

Д Р Е В Н Я Я
РЕЛИГИЯ
С Л А В Я Н Ъ .

Сочиненіе Григорія Глинки,
Профессора Дерптскаго Университетна.

Машава, 1804.

Въ Типографіи у С. Ф. Шлефенгагена и Сына.

BIBLIOTH.
ACADEM.
DORPAT.

4-171 6/1

Tartu Riiklik
Raamatukogu
6788

ЕГО
ИМПЕРАТОРСКОМУ
ВЕЛИЧЕСТВУ
ВСЕАВСУТСТВЫЮЩЕМУ ГОСУДАРЮ
ИМПЕРАТОРУ
АЛЕКСАНДРУ
ПАВЛОВИЧУ,
САМОДЕРЖЦУ
ВСЕРОССИЙСКОМУ,

съ благоговѣннѣмъ посвящаетъ

А в т о р ъ.

The first part of the document discusses the importance of maintaining accurate records of all transactions and activities. It emphasizes that proper record-keeping is essential for transparency and accountability, particularly in financial matters. The text outlines various methods for organizing and storing these records, including digital databases and physical filing systems.

The second section focuses on the legal implications of record-keeping. It highlights that certain records are subject to strict regulations and may be required for legal proceedings. The document provides guidance on how to ensure that records are compliant with applicable laws and regulations, including the retention of records for a specified period.

The third part of the document addresses the security of records. It discusses the risks of data loss, theft, and unauthorized access, and provides strategies to mitigate these risks. This includes implementing robust security protocols, using encryption for digital data, and ensuring that physical records are stored in secure locations.

The final section discusses the role of records in decision-making and reporting. It explains how well-maintained records can provide valuable insights into organizational performance and trends. The text also covers the process of generating reports and summaries from the records, ensuring that the information is presented clearly and accurately.

In conclusion, the document stresses that effective record-keeping is a critical component of any organization's operations. By following the guidelines provided, organizations can ensure that their records are accurate, secure, and readily accessible, thereby supporting their overall goals and objectives.

ВВЕДЕНІЕ.

Не сколько недостатковъ въ запискахъ, относящихся до древняго Славянскаго баснословія, сколько нестараніе о развитіи находящихся о семъ предметѣ сухихъ сказаній, по тому причиною, что мы не имѣемъ до сего времени систематическаго описанія сихъ боговъ. Бывшіе вскорѣ по просвѣщеніи Христіанствомъ Славянскихъ племенъ писатели имѣли причину мало упоминать или и совсѣмъ умалчивать о идолослуженіи, тогда

еще не вовсе изпробившемся, и можеть бысть многими уважаемомъ какъ въру ихъ спудевъ. Но намъ баснословное въроученіе розыскивашь, развѣивашь, и сколько по можно полѣбе представишь нѣнѣ опасности: ибо сіе повѣспивованіе для насъ не иное что какъ пища любопытства; и еспѣли что либо сего важнѣйшее изъ онаго можемъ почерпнуть, по изъ созданія чловѣкомъ себѣ боговъ, еспешвенно по своему образу, по еспѣ, по своему народному свойству, правамъ, образу жизни, степеніи просвѣщенія, и даже дѣятельности фантази, сея первой произвеспительницы всѣхъ всякомъ родѣ вымысловъ, лучше можемъ узнать умное и нравственное обличіе нашихъ родоначальниковъ. Изображенія, дѣла, самыя даже названія боговъ извѣстнаго народа, суть сколокъ свойствъ онаго. У Индѣйцовъ, народа кропчатого,

боги кротки и добры; злые же лишены
власти, по крайней мѣрѣ не иначе рас-
пространяютъ ее, какъ украдкою
отъ надзирающихъ надъ ними до-
брыхъ боговъ. Щастливое Ахайское
небосклоненіе, веселость нравовъ жи-
телей, живое воображеніе, лицеоб-
разовало *) боговъ и съ ними соеди-
ненныя ихъ дѣянія, забавными,
пріятными, а можно думать, и во
времена идолопоклонства Грековъ, за
пріятныя и часно полезныя сказки
почитаемыми. Барварство, царство-
вавшее въ Тавридѣ, вознесло на сше-
пень богини Диану, (можетъ быть
такъ названнос Греками божество, и

*) Я не безизвѣстенъ, что Греческіе боги
начально суть Финикійскіе, введенные въ
Грецію торговцами сего народа переселен-
цами; но баснословная Греческой вѣры
система совсѣмъ на свой вкусъ переделана,
какъ то и съ Испорціями взятыми
отъ другихъ народовъ они поступали.

иначе тамъ именовавшееся) требую-щую крови спираниковъ. — Разнообразно для каждой на земномъ шарѣ спираны опверастныя естественныя небеса, различныя воздушныя явленія, раствореніе воздуха, онѣ него произходящее плодородіе земли, какъ въ количествѣ такъ и въ качествѣ произведеній, самый земледогъ иѣхъ спиранъ, присовокупленные къ свойству народа, способствовали къ соображенію сихъ мечтательныхъ существъ. Почему разсширивая разсудительнымъ образомъ баснобожіе древнихъ Славянъ, уповательно, что откромѣ иѣсколько заѣсы древности, скрывающей онѣ насѣ свойство ихъ умоначертаній объ окружавшихъ ихъ вещахъ, дальности познаній, нравы, и хотя иѣсколько, самый образъ ихъ мыслей.

Описывая произведеніе фантазіи или мечтательности, я думаю, что не

погрѣшу, естли при встрѣчающих-ся пусиопахъ и недоспанкахъ въ ея произведеніяхъ, буду наполнять собственною подѣ древною спашь Фантазією. Правда, стертшія или снѣняыя мѣста въ древнихъ картинахъ, подправлены новыми красками, хо-тя и на сипаринную спашь, умень-шаютъ цѣну картинъ; но лучше ли ничшо, нежели что либо? И не лучше ли Фидіасова Венера съ поддѣланными во вкусѣ сего знаменишаго древняго мастера руками и ногами, нежели ког-дабѣ оспалось одно нолько ея шулови-ще, и шо можешъ бытъ мѣстами еще выбинное? — — Извѣсно, что из-правки или коррекціи древнихъ Гречес-кихъ и Латинскихъ писателей ихъ учинили лучшими; но всѣ ли изправки здѣланы въ попадѣ на Авшорово слово или мысль? и можешъ бытъ иные не здѣлали ли подѣ видомъ изправокъ ру-

кописи, исправленнымъ самого автора въ словахъ и мысляхъ, за что бы онъ и самъ въ состояніи нашелся поблагодарить. — Я переселяюсь въ проспиранныя разнообразныя области фантазіи древнихъ Славянъ; бродя по нимъ, стану собирать всецѣлыя мечтательныя идеи и малыя ихъ частицы, и сіи послѣднія сообразуюсь ихъ усроенію, дополняю матеріалами сего же царства и по законамъ воображенія или мечтанія.

Хотя же происхожденіе боговъ или теогонія Славянская для насъ не сохранилась; чему въ свое время конечно быть надлежало; однакоже изъ свойствъ боговъ, или лучше, естественныхъ вещей, ихъ дѣяній и явленій можемъ заключить и о мечтаемомъ оныхъ происхожденіи. *Едва* нѣсколько ясно повѣствуемъ о чицѣ, порядкѣ и происхожденіи Цельсійскихъ боговъ;

изъ Греческой есогоиіи родословная оныхъ для всякаго свѣдомѣ, нежели Нѣмецкому молодому барону его собственная. Славяне жили въ собдспствѣ съ шѣми и другими, и спанешся, въ своихъ мечшаніяхъ подражали и шѣмъ и другимъ, а можстѣ бытъ и подлинниками въ иномъ обомѣ были. И такъ я свѣдуя какъ Греческимъ раздѣлителямъ боговъ, такъ особенно вникая собспвенно въ Славянское баснобожіе, и почти изгладившихся касательно сего чершъ донскиваясь, раздѣлю изъ самаго свойства сихъ боговъ на выспреннихъ, прензподнихъ, земныхъ и водныхъ.

I. И такъ въ число превьспреннихъ боговъ поспавляю обоженные существа въѣ земли находящіяся, а на оную только показывающія свои дѣисствія, оцупишельныя челобку. И таквые боги будущъ:

Перунь, движеніе эфира, громъ.

Златал Ваба, пищина, покой.

Свѣшовидъ, солнце, жизненная теплошта.

Зничъ, начальный огонь, эфиръ.

Бѣлбогъ, благо и доброе начало.

Сильный богъ, крѣпкій богъ.

Дажбогъ, благополучіе.

Животъ, сохраненіе жизни.

Ледъ, война.

Коляда, миръ.

Усладъ, удовольствіе.

Лада, красота.

Дѣши ея:

Леля, любовь.

Полеля, бракъ.

Андъ, супружество.

Андимля, дѣшпорожденіе.

Мерцана, заря, богиня жанвы.

II. Земные шѣ, коихъ свойства
опшвлечены опъ земныхъ полезныхъ
произведеній, для жизненныхъ чело-

вѣка попросѣ, или шокмо кѣ удоволь-
ствіямъ оныхъ служащихъ, и кошо-
рыхъ они кажется были покровите-
лями.

Тригла, земля.

Волось, } боги покровительству-
Могошъ, } ющіе скопѣ.

Кулало, земные плоды.

Родо-мысль, податель благихъ со-
вѣщевъ.

Съва, богиня плодовъ.

Зевани, богиня звѣроловства.

Иуръ, богъ межей.

Проне, или *Прове*, богъ прорѣканія.

Родетастъ, богъ страннопріимства
и городовъ.

Корсъ, богъ пльнства.

Ясса.

Позвмадъ, богъ буръ и вѣтровъ.

Догода, зефиръ.

Зилмерла или *Зилмшерла*, весна.

Зилмерста, зима.

III. Преизподніе боги, кои изобра-
жаютъ собою мѣсль и казнь послѣду-
ющую за беззаконіемъ и порокомъ :

Шій, владычествующій надъ пре-
изподними странами.

Чернобогъ, богъ опшщенія.

Стрибогъ, изпробинель.

Лга баба.

Кихимера, богъ сна.

IV. Водные, коихъ власть прости-
рается надъ водами ; оныя суть :

Царь Морской.

Чудо Морское.

Русалки.

Водовики, водяные черти.

Духи :

Льшье.

Долговые.

Стѣни.

Лизуны.

Куды.

Черши.

Бьсы.

Полубоги или богашыри:

Пожаны.

Волошы.

Славянь.

Волхъ.

Волховецъ.

Рудожъ.

Озера обоженныя:

Ильгеръ.

Студенець.

Рѣки:

Вугъ.

Донъ.

Впрочемъ къ чистотѣ разсудка
Славянскаго народа можетъ отнес-
тись то, что ихъ вѣра, изъ многихъ

языческихъ, (не говорю всѣхъ) есть
чистѣйшая. Ибо ихъ боги сунъ естес-
твенныя дѣйствія, благопвореніемъ
своимъ имѣющія на челоѵка вліяніе,
и служащія къ страху и казни безза-
конія, равнобрно какъ природныя
свойства и совершенства обоженныя.

Сіе проникнувъ шворецъ Владими-
рѣды, такъ говорилъ въ оной:

Въ чемъ Сверхъ признавалъ священные
божества;

То были дѣйствія и свойства, Бесче-
стна;

Людскія слабости, сердецъ саѣныя
страсти.

И еще можно бы къ сему было при-
бавить добрыя и благопворныя дѣя-
нія.

Во всемъ ихъ баснобожіи, нѣтъ ни
одного бога, котораго бы можно было
счестъ обоженнымъ челоѵкомъ, какъ
то мы находимъ у Грековъ, (я не го-

ворю о Римлянахъ, все опѣ сихъ за-
нявшихъ), и образцовъ ихъ Финики-
анъ, Египтянъ и Ассиріянъ. А сіе
должно приписать естественному
свѣту ихъ ума, что смертные не мо-
гутъ быть безсмертны. Положеніе
просное, но, мнится, худо вырази-
тельное народами хвалящимися своимъ
просвѣщеніемъ, и нашими во многомъ
учителями. — Впрочемъ, кажется,
не неизвѣстно было Всевышнее Суще-
ство Славянамъ, Существо всемогу-
щее, всеотворщее, и словомъ, Богъ
боговъ — и Оному-то собственное
наименованіе было, Богъ. Проче же
боги были ему какъ бы подчиненны,
или больше, лицеобразованія свой-
ства природы. Богъ, яко податель
сѣща, теплоты, плодородія земли и
оживитель природы, названъ Свѣшо-
видомъ; а отвлеченно оный же будетъ
богъ просвѣщенія и сѣпта ума. Богъ

причиняющій громъ, молнію, нарѣченъ *Перунемъ*; онъ же въ ошвлеченности, естъ богъ устрашающій яростію зѣрно-огненныхъ ударовъ, беззаконниковъ. *Вѣль-богъ*, или добрый богъ, естъ подашель всякихъ благъ. *Крѣль-хъ-богъ*, одно изъ свойствъ Вышняго, божество подлинно нравственное. Но все сіе изъ описанія въ особенності. каждаго бога будешъ видно съ очевидною ясностію. Упомяну только вѣщо о богинѣ *Лады*, и ея дѣтяхъ. Ничего нѣпнѣ, кажешся, остроумнѣе, какъ чшобы красона, Лада была машерію чептырехъ чадъ своихъ; число ихъ полно; прибавишь нечего, но убавленіе несовершенсиво. У красоны, Лады, первый сынъ *Алля*, шо естъ любовь: за Аслею. слѣдуешъ вторый, *Полеля*, или бракъ; чшо нравственнѣе, какъ любви бышь окончиваемой бракомъ; но сего еще не довольно; слѣдуешъ сынъ, богъ

супружней жизни, и онъ есть *Дидо*, коего супруга *Дидида*, богиня дѣво-рожденія, покровительствуетъ сию нескверную жизнь. Ибо ничего прекраснѣе сего семейства; потому что ибо ничего вообще одобреннѣе, и оно есть самая истинна, въ разныхъ лицахъ представляемая. — Вотъ картина, показывающая что Славянское баснобожїе было разсудительное, боги же ихъ изъ ошвлеченныхъ понятій были лицеобразованы, и припомъ часто оспроумно, и всегда вѣрно. Если ли опшиемъ мы баснословныя названїя, то нынѣ и мы не иначе мыслимъ какъ и предки наши; кажется даже что сей способъ мысли въ всѣмъ просвѣщеннымъ народамъ общій. Красота, любовь, бракъ, замужество, дѣво-рожденіе суть у всѣхъ челоуковъ понятїя и дѣйствїя сущїяющїяся. Солнце благошворитъ земной природѣ;

громъ наводитъ страхъ; златая Природа, общая людей мать; благость, крѣпость, подаяице благъ, живородительство, свыше произтекающія, суть идеи древнихъ, на коихъ они создали храмъ своего многобожія.

БОГИ ВЫСПРЕННИЕ.

П е р у н ъ.

Грозное Славянское божество. Онъ почитался произвешителемъ всѣхъ воздушныхъ явленій. Рука его управляла громомъ и молніями. Кажется, что Славянскому Перуну сподолько же прилично, какъ и Гомерову Зевсу, приложеніе *погонителя облаковъ*. Сте божество особенно было почитаемо въ Кіевѣ и Новѣгородѣ. Въ первомъ, храмъ его сооруженъ былъ на холмѣ надъ

Боричевымъ попокомъ. Г. Херасковъ
въ Владимирѣадѣ такъ описываетъ
сей храмъ:

Сей храмъ, ужасный храмъ, надъ Бо-
ричевымъ покомъ

Стоялъ сооруженъ на холмъ прѣвысо-
комъ;

Куреній возводилъ передъ кумиромъ
дымъ;

Запекшаяся кровь видна была предъ
нимъ.

И онъ же и въ другомъ мѣстѣ:

Созяженъ высоко Перуновъ гордый
храмъ;

Онъ тѣни разпростеръ далеко по го-
рамъ.

Предъ нимъ всегда горитъ неугасимый
пламень;

При входѣ утверженъ краугольный
камень,

И камень гибели народомъ нарѣченъ;

Онъ черной кровію казался опоченъ;

На исмѣ несчастная та жртва пред-
пешала,

Свирѣпости жрецовъ которага витала;
Тамъ смертоносныя оружія висѣли;
Сосуды кровію наполнены сияли.

Владимиръ по принятіи надѣ Россей самодержавія, въ честь сему божеству соорудилъ многіе храмы. Стоявшій же надѣ Боричевскимъ попомъ, можетъ бытъ имъ только возобновленъ и украшенъ, будучи поспрошенъ еще изъ самыхъ древнихъ временъ. Самое наименованіе сего ручья не произошло ли отъ опшеческаго имени Перуна? — Первоселенцы Кіевскіе будучи Сарматскаго происхожденія, и пришедши сюда, вѣроятно, отъ Скандинавскаго полусигрова, принесли съ собою Цельтійскихъ боговъ. Боричемъ можетъ бытъ назывался Перунъ, какъ и Одинъ, сынъ Бора, отъ чего и холмъ и пошокъ или ручей

названы Боричевыми; ибо *Борь* былъ онецъ боговъ, или лучше онецъ Одина, владыки Скандинавскихъ боговъ. Самые Цельсийскіе жрецы утверждали, что они производилъ оный сего Бора.

Перунъ, въ настоящемъ значеніи сего слова, берется за громовую стрѣлу, или естественнѣе, за молнію, за электрическую струю, или за громовую искру. Но върояннѣе кажется, нарицательное слово получило начало свое отъ собственнаго наименованія бога грома. *Перунъ* кажется производилъ отъ слова *Торымъ* или *Торумъ*, которое на Сарматскомъ языкѣ значилъ всевышнее существо, богъ. Истуканъ сего божества былъ здѣланъ не изъ одного вещества. Сиганъ былъ вырѣзанъ изъ дерева; голова вылита изъ серебра; а уши и усы изваяны изъ золота; ноги же выкованы изъ желѣза; въ рукѣ

держалъ нѣчто похожее на молнію, копорую предшавляли вмѣстѣ со- спавленные рубины и карбункулы. Предъ нимъ горѣлъ неугасимый пла- мень, за небреженіе коего жрецу наказывался смертію, состоящею въ сож- женіи его какъ врага божества сего.

Въ Владимирѣдѣ онъ описавъ нѣ- сколько отличіе оныхъ сего; однакожъ совершенно сошлѣшпивно споль высокочпимому божеству:

Сей мрачный храмъ вмѣщаль ужаснаго
кумира,

На немъ зланный венецъ, багровая пор-
фира;

Извивые въ рукѣ перуны онъ держалъ,

Которыми разилъ во гнѣвѣ угрожалъ.

Златые на челѣ имѣлъ велики роги,

Серебряную груди имѣлъ, желѣзны ноги;

Горѣлъ рубинами его высокой протѣ;

И богомъ всѣхъ боговъ именовался онъ.

Изъ сего описанія явствуетъ, что онъ былъ ужасное громоглаголющее божество: а поному въ смыслъ нравственномъ беззаконныхъ казнилъ и изирбитель. Онъ также почитался владыкою между богами, и крѣпкимъ; словомъ, произвешителемъ всего ужаснаго въ природѣ для человека.

Проспранный шаръ земный лица его
трепететь,

Разны перунами, онъ молніями блестящъ;

Убийство на челѣ, смерть носить на
очахъ;

Его вѣнецъ зми, его одежда-спрахъ.

Владим.

А поному и жертвы были сообразны съ воображаемыми свойствами царя боговъ. Въ честь ему закалала не токмо скоты, но и пѣтниковъ; а

неисповое суевящспво обогряло руки даже въ крови собснвенныхъ своихъ дѣщей. Суевѣрїе же, по глупости почитаемую существенною часшю самого себя ему жертвовало, ш. е. бородою и головными волосами, обривая ихъ.

Изъ посвященныхъ ему вещей, были цѣлыя лѣса и рощи, изъ коихъ взятіе всякаго сучка почиталось достойнымъ смерти свящопашспвомъ.

Изключая многихъ странъ и городовъ, въ коихъ были сему богу посвящены божницы, великолѣпнѣйшая была въ Кіевѣ надъ Боричевымъ пошомкомъ, Княземъ Владимиромъ воздвигнутая, или лучше, украшенная. Другая не меньше великолѣпная была въ Новѣгородѣ, которая сооружена дядею его Добрынею, пожалованнымъ имъ въ Новгородъ Посадникомъ или Намѣстникомъ. Обѣ онѣ получили свой ко-

нецъ по просвѣщеніи Россіи Христіан-
ствомъ, равно какъ и кумиры Перу-
новы, и свержены Кіевской въ Днепръ,
а Новгородской въ Волховъ.

Здѣсь приложу я къспани опрывокъ
древняго или на древнюю спаншь сочи-
неннаго Гимна:

Боги велики; но страшенъ Перунъ;
Ужасъ наводишь шажка спона,
Какъ онъ въ предшесспннн моланн спохъ
Мракомъ одеянь, вихрьми повилѣ,
Грозныя тули ведешъ за собой.
Спустишь на облакъ — огни изъ подъ
паянь;

Ризой махнешъ — побатровѣнн швердъ;
Взглянешъ на землю — вспрепещелѣ
земля;

Взглянешъ на море — кошаомъ закитилѣ,
Клонящя горы былинкой предъ нимъ.
Страшне! свой гнѣвъ ты опъ насъ оп-
врати!

Бросишь горсть граду во пшячю мѣрь;
Только спутилѣ, ужъ за пшячю верстѣ;

Лишь опъ пяты его облакъ зардѣлѣ;
 Тяжка спона гуль глухой издала,
 Кой горы, море и землю попрасъ,
 И лишь сверкнуло возвратѣ ризѣ. —

З л а т а я М а ш ь .

Какъ Перунъ былъ богъ гнѣвной, такъ прошивно оному Златая Машъ, или иначе, Баба была богинею пишины и покоя. Исшуканъ ея былъ здѣланъ изъ золопа въ видѣ женщины; а опъ сего и наименованіе свое получила, равномерно какъ и опъ свойсва приписываемаго ей. На рукахъ она держала младенца, кошорой почиался ея внукомъ, и опъ коего названа Бабою, ш. е. Бабушкою. Сей вѣукъ былъ свѣшовидѣ. Во кругъ исшукана находилось великое

множество музыкальных орудій, на коихъ во время ея празднества были ей воси́ваемые хвалы. Храмъ же ея славнѣйшій былъ сооруженъ при рѣкѣ Обито или Обегѣ. Здѣсь она давала ошѣбны; а потому храмъ сей почитался прорицалищнымъ, и былъ въ великой славѣ. Она споль была свято чшима, что мимо ея испукана никто не смѣлъ пройти, не принесши чего либо на жершву, и еспѣли ничего не имѣлъ, то по малой мѣрѣ клочокъ отъ своего плащя съ земнымъ поклоненіемъ подносилъ. Ся богиня каженя была тоже, что Цельшійская Фрегга или Фрея, кошорой одной приписывается пророчество: „Единая Фригга вѣснѣ „будущая, но никому сего не откры- „ваешъ,“ слова Одина, приведенныя въ Еддѣ.

Свѣшвидъ.

Божество бывшее у Славянъ въ великомъ почитаніи. Онъ имѣлъ на Сѣверѣ два славные храма: одинъ на островѣ Ругенѣ въ городѣ Ахронѣ^{*)}, а другой въ Холмоградѣ, которой полагается на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ село Бронницы, на находящемся близъ него холмѣ, на коемъ теперь построена церковь С. Николая.

Истуканъ его былъ здѣланъ изъ дерева величины огромной. Онъ имѣлъ чешыре лица, на каждую сторону свѣща по одному. Бороды не имѣлъ; кудри у него были завишья; одежда на немъ была короткая. Въ лѣвой у него рукѣ былъ лукъ, а въ правой рогъ выкованной изъ мешалаа. При бедрѣ имѣлъ

^{*)} Явственно что Ругенъ, Ружный былъ прежде названъ, а городъ Ахронъ, Ухронъ произошелъ отъ слова хранишь.

превеликой въ серебряныхъ ножахъ мечь; въ споронѣ висѣли сѣдло и уда коня его, такъ же непомѣрной величины. Сей испуганъ стоялъ по среди храма, завѣшенный великолѣпными краснаго цвѣта занавѣсками. Онъ давалъ отвѣсы чрезъ уша жреца однажды въ годъ. Въ то время сей главный жрецъ входилъ въ святилище сего бога, удерживая свое дыханіе, и при надобности въ ономъ или выходилъ вонъ, или выспавлялъ сколько изъ святилища голову. Сей единогодный праздникъ оприваялся съ продолжительными торжественными обрядами. Оный начинался по окончаніи жатвы, что будеть въ мѣсяцѣ *Серленъ* или *Августъ*. И тогда народъ собираваяся передъ капище, пригонялъ множество снопа, какъ въ жерниу своему богу, такъ и для празднованія сего знаменитаго ихъ праздника. За сущи

до шоржештвеннаго дня самъ начальствующій жрецъ выметалъ храмъ сего бога. На слѣдующій день жрецъ бралъ изъ руки Свѣтловидовой рогъ за годъ наполненный виномъ, предсказывалъ о плодородіи слѣдующаго пошому, сколько въ немъ убыло; ибо вѣрили, что еслии много изъ рога убыло, то годъ будетъ безплоденъ; еслии же мало, то ему надасжало бытъ плодородну. И сіе вино быливши предъ спотами Свѣтловида, напсалъ рогъ сей новымъ, и выпивалъ въ честь онаго, моля, чтообы дарсвалъ ео всемъ изобиліе, богатство и побѣду на враговъ. Потомъ наполнивъ сей священный рогъ новымъ виномъ, елагалъ въ его руку, моляся кунно созѣмъ народомъ; послѣ чего приносимы ему были многочисленныя жертвы ошъ воловъ и овецъ. По совершеніи сихъ жертвъ, вносили огромной величины круглой пироги,

зѣланной изъ пряничнаго пѣсна, въ
 коемъ могъ помѣшиться человекъ.
 Въ сей пирогъ служитель Сѣшовидовъ
 вошедши спрашивалъ народъ, видяшъ
 ли его? — люди ошиблись и вѣрили что
 нѣтъ — тогда обращаясь къ Сѣшовиду,
 молилъ его, чтобы на предбудущій
 годъ хотя нѣсколько его увидѣли.
 Здѣсь, кажется, жрецъ спрашивалъ
 въ пирогъ, представляя солнце въ
 удаленіи отъ нашего полушарія, или
 зимнее время; и потомъ молилъ Сѣ-
 шовида о его возвращеніи. Послику не
 только имя, но и всѣ признаки явля-
 ютъ, что сей богъ былъ изображеніе
 свѣтила одушевляющаго навѣ міръ.
 Чешыре лица, есть чешыре годины,
 или времена года. Стрѣлы и лукъ,
 какъ у Греческаго Феба - Апполона, зна-
 чили лучи солнца. Бѣлый конь, ему
 посвященный, знаменовалъ видимое
 движеніе сею благошворнаго свѣтила:

рогѣ въ рукѣ, обиліе повсюду произ-
шекающее опѣ его священной шепло-
шы; мечъ же означалъ его какъ бога
защитника и покровителя Славянъ.

Послѣ сего обряда съ великимъ благо-
говѣніемъ приносили въ жершву мно-
жесливо скоша: и тогда жрецъ здѣлавъ
народу простиранное поученіе, поощ-
рялъ оный къ прилѣжному почитанію
и жертвованію сему богу: а за сіе обѣ-
щавъ имъ земное плодоносіе, здравіе,
побѣду на враговъ на сушѣ и морѣ.
Иногда же сему идолу приносили въ
жершву плѣнныхъ своихъ непріятель-
лей, какъ богу защитнику своему на
браняхъ; сей безчеловѣчной обрядъ
оправлялся шакимъ образомъ: не-
вольника (по всему видно, чино избъ-
ранныхъ людей) одевали въ панцирь
или во всеоружіе; сажали на осѣдан-
наго коня, когото ноги привязывали къ
чешыремъ сваямъ, равно и несчастна-

го *) кѣ лошади, и подложя подѣ оную дровѣ, сожигали ихѣ обѣихѣ. Жрецы увѣряли народѣ, что шаковая жертва пріятна Свѣшовиду. Кажется, что симѣ хощѣли они возбудитѣ въ народѣ вѣщую жестокость кѣ врагамѣ своимѣ, въ коей надеялись пользовашься побѣдами его надѣ ними, приносившими жрецамѣ не малую прибыль; ибо ошѣ всякой военной добычи Свѣшовиду на вѣрно приносилась не больше какѣ шреція часшѣ. Чшо самое кажется бышѣ весьма еспешивенно, собра-

*) Лѣтописца пишутѣ, что приносили на жертву паѣнникѣ Христіанѣ; но здѣсь важнѣйшес слово паѣнникѣ; ибо Славяне иногда не помышляли бышѣ врагами какой либо религіи; но не разбирая вѣры, съ врагами поступали иногда жестокосердо. А какѣ у нихѣ болѣе всего бывали войны съ Греками, кои быди Христіанѣ, и подавши паѣну днѣе прешрѣвали ошѣ нихѣ сіе благочестивое варварство; шо лѣтописцаѣ и возмечталось, что они жущѣ Христіанѣ, когда сія сожигали только своихѣ враговѣ и пришощѣ рашникѣ.

жаясь шокмо съ погодшними обстоя-
 тельствами, гдѣ идопоклонниче-
 скіе священники одни имѣли свобод-
 ный доступъ въ таинственное свя-
 тилище Наукъ, грубое же невѣжество
 было общею долею простонародія; а
 по сему вліяніе первыхъ на сихъ по-
 слѣднихъ долженствовало бытъ все-
 могущественно, и которое не допу-
 скало ихъ проникнуть корыснолюбив-
 ыя жрецовъ виды. По окончаніи
 всѣхъ обрядовъ богослуженія и жер-
 твопринощенія, народъ начиналъ
 бѣсть, пѣть и веселишься. Сей празд-
 никъ такъ усердно праздновали, что
 шопѣ конечно бы выперпѣлъ смѣя-
 ніе и даже ругательство, кшобы не
 до пьяна напился.

Свѣшовиду посвященъ былъ бѣлой
 конь, на коего никто кромѣ перваго
 жреца не могъ сѣсть. У сего коня,
 даже до волоса, все было священо, и

подъ опасностію пещернія жизни не позволялось ни изъ хвоста ни изъ гривы ни одного выдернуть. Увѣряли, что Сѣшовидъ ѣдидъ на ономъ побѣждаетъ ихъ исприятелей. А сіе подтверждали иѣмъ, что когда подъ вечеръ коня осматывали вычищеннаго, по утру находили его запоиѣлаго и загрязненнаго; изъ чего заключали, что Сѣшовидъ ѣдидъ на немъ для пораженія ихъ сопостатовъ. Смотри же поному, больше или меньше была умучена лошадь Сѣшовидова, шаковому и успѣху брани бытъ думали. Сей конь такъ же служилъ прорицателемъ, начинашь ли или неначиналъ, равно ли хорошо или несчастливо будетъ продолженіе войны. Для гаданія спавили предъ храмомъ шесть коней по два въ рядъ и въ извѣстномъ разстояніи. Къ каждымъ двумъ привязывали по колю поперегъ такъ вы-

соко, какъ шолоко лошады можешь перешагашь. Прежде нежели лошады начинали весты между коней, жрецъ съ извѣсными обрядами молился Свѣшповиду, читая многія нарочно для сего сочиненныя молитвы. Потомъ съ благоговѣйными обрядами бралъ коня за узду и велъ черезъ шри поперечныя коня. Ешьяи лошады шагала напередъ чрезъ нихъ правою ногою и припомъ чрезъ всѣ шри незапущавшись, то обѣщали себѣ окончаніе войны самое благополучное. Въ противномъ же случаѣ прешали о всякомъ несчастіи; а смотря по сему оплагали и самую войну.

Храмъ Свѣшповидовъ былъ весьма богатъ; ибо сверхъ разныхъ вкладовъ, получалъ онъ изъ военныхъ добычь прешію часшъ, и шрисна всадниковъ сражаясь собственно ошъ Свѣшповида, полученную добычу всю ему прино-

силѣ. Ругенскаго Свѣтшвидева храма и истукана его участь была та, что Вальдемаръ, Король Дайской, въ 350 году по Р. Х. взявши островъ Ругенъ и городъ Ахронъ, капище раззорилъ и ограбилъ, а истуканъ обидравши, приказалъ разсѣчь и сожечь. Что касается до Холмоградскаго Свѣтшвидова храма, то оный одну участь имѣлъ съ прочими идольскими капищами, будучи разрушенъ по возпрятіи Россіею святаго крещенія.

З и ч ѣ.

Подъ симъ божествомъ Славяне разумѣли начальный огонь, или животоворящую пещицу, способствующую къ произведенію и сохраненію всѣхъ

существовъ. Славяне о семъ начальномъ и жизнедающемъ огнѣ были такихъ же мыслей, какъ Парсы или Гебры о своемъ священномъ огнѣ, полагая его оживошворителемъ всѣхъ живыхъ существъ. И въ самомъ дѣлѣ:

Въ адамантѣ онъ блистаетъ,
 Въ яхонтѣ же онъ заритъ;
 Онъ въ холодномъ лдѣ пылаетъ;
 Въ темномъ облакѣ гремитъ.
 Гордыя главы Сибирскихъ
 Вноситъ кедровъ къ облакамъ;
 Въ правкѣ обитаетъ низкихъ;
 Красоту даетъ цвѣтамъ.
 Крѣпоси, бодрости въ льна влагаетъ;
 Въ шигра же стремлеенье, жаръ.
 Все рошитъ, раститъ, питаетъ,
 И всему собой самъ даръ.
 Онъ душа природы всей;
 Онъ начало всѣхъ вещей.

Славяне повсюду его видѣли; удивлялись ему; но не будучи Эйлерами, не могли изшолковать и объяснить

его: могла ли имъ по ихъ простотѣ и малому просвѣщенію взойти такая тонкая мысль, что эпитѣ начальной огонь, начальная теплоща, естъ даже причина самаго огня, самой теплощы; эщо эфиръ? шо тонкое вещество, по всей природѣ разліянное, образующее адамантъ и въ немъ находящееся; дающее цвѣтъ розѣ, ростѣ кедру; блистающее въ самомъ лѣдѣ, и коего слабос въ вещи сопрясеіе производитъ теплощу, а сильное жарѣ или расплавающей оную, или пламенемъ ея пожирающей? — Они подобно другимъ живущимъ въ простотѣ народамъ заблали изъ сего непонятнаго для нихъ существа себѣ божество, наименовавъ его Зничемъ.

Теперь сванемъ говорить о семъ начальномъ огнѣ какъ о божествѣ Славянскомъ. Зничь не имѣлъ ни какого изображенія; но шокмо былъ неугаси-

мо горящій огонь, на подобіе Веснина
огня въ Римѣ. Храмы, въ коихъ содер-
жался сей священный огонь, находили-
ся во многихъ городахъ. Сей неутаки-
мой огонь получалъ себѣ жертвы, ко-
шорыя точно какъ и Сѣшовидовы, со-
стояли изъ части корышей ошѣ не-
пріяшеля полученныхъ. Ему жерпило-
вали шакъ же и пѣнными. А изъ се-
го заключить можно, что дѣйствию
Знича приписывали военной жарѣ и
храбрости. Къ оному шакъ же прибѣ-
гали находившіеся въ тяжкихъ болѣз-
няхъ, желая получить облегченіе.
Служители Знича, показывая себя
воодушевленными или вдохновенными
симъ божествомъ, во имя его немоще-
ствующимъ давали опыты, содер-
жащіе въ себѣ средства къ излеченію
ихъ. Въ заключеніе приложу изъ Вла-
димиріады описаніе сего божества:

Тогда отважный Знчѣ, блистающъ весь
изъ вѣѣ,

Вѣщаль: — — — —

Я хижинамъ свѣщу и озаряю троны;
Во мнѣ сияетъ Фебъ, сынъ древня Ла-
тоны.

Во существѣ огня я Россамъ жизнь дарю;
Пишаю, грѣю ихъ, ихъ внутренности зрю.

Бѣлбогъ.

Самое названіе означаетъ его блггмъ.
На другихъ нарѣчійхъ Славянскаго
языка назывался такъ же *бѣльцѣй-*
бугъ, что значилъ едно и тоже самое.

Изображался онъ по крышымъ кро-
вию, и облѣвшимъ по своей великимъ
множесивомъ мухъ, что кажется

было знаменіемъ питагеля шварей; въ правой рукѣ держалъ кусокъ желѣза *).

Храмъ оиѣ имѣлъ на островѣ Рунгенѣ въ городѣ Ахронѣ, гдѣ ему, точно какъ и Свѣшюиду, воздавалось починаніе, особенно же отъ Славянъ жившихъ при Варяжскомъ (Бальшии-скомъ) морѣ.

Ему не жертвовали кровію; но въ честь его опиравались пиры, игры и разныя забавы. Подъ симъ божествомъ наши праотцы разумѣли благодѣянія, низпосылаемыя шварямъ При-

*) Сте священное желѣзо употреблялось въ испытанійхъ шакльмъ образомъ. Подозрѣвавшему или обносимому въ чемъ нибудь по рѣшительн до красна давали сей кусокъ въ руку, приказывая съ нимъ пройти шаговъ десять. И когда рука оспивалась несреднаа, то признавалъ былъ правымъ; въ противномъ же случаѣ обвинялся. Сего рода испытанія продолжались до времени Царя Юзьяна грознаго. Онѣ были почти всей Европѣ общи, какъ и полевои бой для законныи подданки. Изъ сего видно, что сему богу приписывалось качество правосудія.

родю, сохраняющею ихъ. То правда, что чернь почитала его ошущаемое, но есль самый испукаиъ; но служители или извоковашели ихъ вѣры конечно разумѣли вѣ смыслѣ ошваленномъ благоспѣ Природы, дщери благаго царя и общаго всѣхъ мѣровъ ошца.

Сильный богъ.

У всѣхъ древнихъ народовъ небесная крѣпость почиталась даромъ свыше низпосланнымъ: а пошому шакковые люди у Грековъ были полубоги, ш. е. рожденные ошцемъ или матерью безсмертною, и обратшо коимъ либо изъ двухъ смертныхъ. Греки ихъ звали *героями*; что Славяно-Руссы означали

словомъ *богашырь*. Сіе слово, по извѣс-
ненію одного нашего знатока опшечес-
твенной Испоріи, есть Ташарское *ба-*
шырь, и значить силача; можно бы бы-
ло сему повѣришь, есѣли бы прежде
сообщенія Русскихъ съ Ташарами оно
не было въ употребленіи; върѣе же
оно составлено изъ Славянскаго *богъ* и
Сарманскаго *Тирь* или *Тирарь* (по его
же изшолкованію) *пасынокъ*; чшо са-
мое какъ названіемъ, такъ и смысломъ
ближе къ невяшню богашыря подхо-
дитъ; и я лучше върю, чшо Ташар-
ское *башырь* есть Русское перепорчен-
ное *богашырь*.

Подъ симъ божествомъ чтили Сла-
вяне даръ природы шѣлесной, крѣпо-
сти; это былъ лицеобразованный
Греческой Марсѣ или Арей. Изображе-
нне его было въ видѣ мужа, держащаго
въ правой рукѣ дрошкѣ, въ лѣвой же
серебряной шарѣ, какъ бы чрезъ то да-

вая знать, что крѣпосиѣ обладаетъ
всемъ міромъ. Подъ ногами его лежала
львиная и человѣческая головы, по-
сланку и ша и другая служашъ эмбле-
мою шѣлесной крѣпоси.

Д а ж б о г ъ.

Сіе божество было такъ же благо-
творное, податель всякихъ благъ зем-
ныхъ, богатства, щастія и благополу-
чія. Жертвовали ему шокмо усерд-
ными мольбами и изпрошеніемъ него
милости; ибо благошвореніе не тре-
буешъ ничего кромѣ прошенія и при-
напедьности. Г. Херасковъ прилично
именуешъ его въ Владимирѣ — *Даж-*

богъ плодотворный, когда вѣрили, что онъ него получающъ всякія блага, какъ онъ неизсякаемаго источника. Вожницу онъ имѣлъ въ Кіевѣ. Онъ служилъ эмблемою благополучія, которое обоготворяли древніе Римляне.

Ж и в о т ъ.

Сіе божество было въ почтеніи у Поляскихъ Славянъ; имя же его означаетъ жизнедашеля или сохранишеля жизни. Это былъ другой Вишну *) Славянской. А какъ и самое названіе Греческаго *Зевса* или *Юпитера* произво-

*) Вишну Индѣйское божество сохраняющее; Вормигъ созидющее и Сива разрушающее.

дѣшъ ошъ Греческаго слова *жизни*, шо не почерпнули ли оба народа первоначальныя понятія о сихъ существахъ изъ одного начала? — И не преобразили ли Греки своего въ существо грозное, когда Поляне имя и соединенное съ онымъ понятіе, живопохранителя и живоподавца зберегли? — Сіе божество было у Полянъ изъ первоспашейныхъ, и имѣло свои храмы. Впрочемъ понятіе о существѣ живопохранящемъ кажется мнѣ пошѣе и чище нежели понятіе о богѣ-лѣкарѣ, Аполоонѣ ли шо былъ, или сынъ его Ескулапій. О семъ божествѣ упоминается только въ Польскихъ древностяхъ; почему его и называю собственнымъ божествомъ Полянскихъ Славянъ.

Л е д ъ.

Ему Славяне молились о успѣхахъ на сраженіяхъ, и онъ почитался начальствующимъ надъ воинскими дѣйствіями и кровопролитіемъ. Сте сирѣчно божество предшавлялось въ образѣ страшнаго всина, всоруженнаго въ Славянскую броню или всоружіе. При бедрѣ мечъ; копье и щинъ въ рукѣ. Сте божество имѣло свои храмы; война дсшавляла ему жершвы. Идучи прошивъ непріятелей своихъ Славяне молились ему, прося о помощи, и дѣлая обѣщанія по побѣжденіи непріятелей принести ему обильныя жершвы. — Бѣроятно, что сте божество больше нежели другія первосепенныя получало кровавыхъ жершвъ; пошому что оно заключало въ себѣ понятіе кровопролитія, убійства; и въ смыслѣ болѣе пошешномъ, жабро-

спи, безсмертія и мужества. Въ прочемъ древнихъ Славянъ не лзя упрекатьъ человѣческими жертвами, между тѣмъ какъ мы видимъ древнихъ Грековъ шаковыя жертвы приносившими, и что еще ужаснѣе, жертвовавшими своими одноподцами, дѣтьми. Обгарлемой человѣческою кровію у Германцовъ Ирмензуловъ храмъ, Сирійской Молохъ, Норманскіе камни, доказывающъ, что въ первобытной грубости, или по впаденіи въ оную, почти всѣми народами обладало кровавое суесвященство. Сверхъ сего Славяне (не говоря о всѣхъ поколѣніяхъ, но разумѣя привыкшихъ къ брани и кровопролитію) приносили въ жертву своимъ богамъ только враговъ.

Изъ древнихъ лѣтописцевъ видно что за опдаленіемъ отъ храмовъ Леда, чтили его въ мечѣ или саблѣ, вынутой изъ ноженъ и вопкнутой въ

землю, покланяясь ему, и моля его о помощи.

Здѣсь кажется кешаши упомянуть о Славянскихъ до Рурика бывшихъ богатыряхъ. Древнѣйшій есть Князь Славенъ. Сіе имя кажется нарицательное, значащее Славенской Князь, либо собственное, но данное ему отъ пріобрѣщенной имъ славы; ибо Славяне до него носили свое имя. Дѣши его, славный Волхъ, воевавшій съ народами обишавшими по берегамъ рѣки Волхова, прежде именовавшейся Мушиною рѣкою, и браться его Волховець и Рудотохъ. Знаменишій Буригой, воевавшій съ Варягами (морскими разбойниками, можетъ быть Норманскими, а не Русскими). Мудрой Гостомысль, его сынъ, богатырь и законодатель.

Но каковы Славянскіе и Славяно-Русскіе были богатыри, то видно изъ

сбѣдующаго сказочнаго богатырскаго
повѣщиванія.

Начинается сказка
 Отъ сивка отъ бурка
 Отъ вѣща коурка
 На честь и на славу
 Опецкому сыну, осна
 Удалому вишазю,
 Храброму рыцарю,
 Доброму молодцу,
 Русскому Князю,
 Что всякія силы
 Съцсѣтѣ, побиваетѣ;
 Могучихъ и сильныхъ
 Съ коней взлѣпаетѣ;
 А бабу Ягу
 На полати бросаетѣ;
 А смерда кашея
 На привязи держитѣ;
 А змѣя Горыница
 Топчетѣ ногами;
 И красную дѣвку
 За привязь морь

Въ тридцатой землѣ
Изъ подѣ грозныхъ очей
Изъ подѣ крѣпкихъ замковъ
На блѣду Русь увозитъ.
А выдѣтъ ли молодецъ
Въ чистое поле?
Онъ свиснетъ, онъ гаркнетъ
Свистомъ богатырскимъ,
Крикомъ молодецкимъ:
Ты гой еси конь мой!
Ты сивка, ты бурка,
Ты вѣща коурка!
Ты стань предомною,
Какъ листъ предъ паравою.
На свистъ богатырской,
На крикъ молодецкой,
Онъ куда ни возьмется
Конь сиво-бурой
И сиво-коурой.
Гдѣ конь побѣжитъ,
Тамъ земля задрожитъ:
А гдѣ конь полешитъ,
Тамъ весь лѣсъ зашумитъ.
На полешѣ конь изъ рта

Пламенемъ пышетъ;
Изъ черныхъ ноздрей
Свѣтлыя искры бросаетъ;
И дымъ изъ ушей
Какъ трубами пускаетъ.
Не въ день и не въ часъ,
Во едину минуту
Передъ выпяземъ спанетъ.
Удалой нашъ молодецъ
Сивку погладитъ.
На спинку положитъ
Сѣдлаце Черкасско,
Попонку Бухарску,
На шейку уздечку
Изъ бѣлова шелку
Изъ шелку Персидскова.
Пряжки въ уздечкѣ
Изъ краснова золота
Изъ Аравитскова.
Въ пряжкахъ спенѣчки
Изъ сняя булата,
Булата заморскова.
Щоакъ не порвѣтся;
Булатъ не погнѣтся;

И красное золото
Ржаветь не будетъ.
У добра молодца
Щипъ на груди,
На правой рукъ перстень;
Подъ мышкою палица
Серебряная;
А подъ лѣвою мечъ
Со жемчужиною.
Богатырская шапка;
На шапкѣ соколъ.
За плечами колчанъ
Съ каменными стрѣлами.
Въ бою молодець
И битиць и стрѣлць;
Не боится меча,
Ни стрѣлы, ни копья.
Онъ садится на бурку
Удалымъ полетомъ;
Онъ ударить коня
По крупымъ по бедамъ
Какъ по твердымъ горамъ.
Подымается конь
Выше темнова лѣсу

Къ густымъ облакамъ.
Онъ и холмы и горы
Межъ ногъ пропускаешъ;
Поля и дубравы
Хвостомъ устилаешъ;
Бѣжилъ и лешилъ
По землямъ, по морямъ,
По далекимъ краямъ.
А каковъ доброй конь;
То шаковъ молодецъ:
Ни видать, ни слышать,
Ни перомъ описатьъ;
Только въ сказкѣ сказашь.

Вотъ изображеніе Русскаго богатыря!
Вотъ примѣръ древняго Русскаго
эпическаго стихотворства!

К о л я д а .

Подъ снѣгомъ богомъ разумѣли наши предки миръ и соупокоивающее съ онымъ блаженство; а посему праздники въ честь сему божеству отпраздновались играми и веселіемъ. Оныя начинались въ концѣ мѣсяца *Студеня*, или съ 24 *Декабръ*. Зимю можеть бысть для того установаены были ему праздники, что Славяне никогда въ сіе годовое время не восвали, но наслаждались покоемъ по военныхъ трудахъ. Сему присноуюному, веселому, всеблагодарному и повсюду разсѣвающему обиліе божеству жертвовали пѣніемъ, пляской, играми и разными забавами. Праздники же ему посвященные прпровождали въ пирахъ и веселостяхъ. Нынѣшнія загадыванія дѣвушекъ о Святкахъ, кажеться и тогда существовали; ибо когда лучше ду-

мать о любви и замужестве, какъ не во время ошдыха, покоя, наслаждаяся обиліемъ богатой осени? Впрочемъ, сему божеству молилися, прося у него мира, пишины и изобилія въ земныхъ плодахъ и скопѣ. Равно по учиненіи съ неприятелями мира, ему приносилось благодареніе, и праздновали его праздники пирами и веселіемъ. Празднованія нарочныя начинались въ честь ему съ вечера на 25 Студеня. Остатокъ оныхъ еще и по нынѣ между нами уцѣлелъ. Въ сей вечеръ собираются дѣвушки (индѣ же молодые ребяпа), и приходя подъ окно къ каждой избѣ поютъ слѣдующую пѣсню, которая, судя по слогу, кажется быть очень древняя.

Вошѣ она:

Виноградѣ красно почему спознать?

Почему дамь Устинна Малафее-
вича? *)

У его волъ у двора всё шелкова права,
У его што у двора всё серебряной шнырь;
Вороша у него дубовыя;

Подвороненки рыба зубья.

На дворъ у него да три шерема:

Въ первомъ шеремъ да свѣщель мѣсяць;

Во второмъ шерему красно солышишко;

Въ третьемъ шерему часты звѣды.

Что свѣщель мѣсяць, то Устиновъ
домъ;

Что красно солнце, то Улина его;

Что часты звѣды, малы дѣтушки.

Да дай Боже Устину Малафеевичу

Съ борзыхъ коней сыновей женить;

Да дай Боже Улитъ Хавроньевъ

Съ высока шерема дочерей выдавать.

Подари, государь, колядовщикбѣ;

Наша коляда ни рубль, ни полпина,

Наша коляда всего полъ-запына.

*) На мѣсто сихъ именъ приписаны имена того
хозяина и колдунки, передъ чьими окнами
колядуютъ.

По проѣвѣннѣ снхъ пѣсенъ, колядовщицы получающѣ нѣсколько денегъ, или больше изъ пшеничнаго пѣсна напеченныя бездѣлушки; а молодымъ ребятамъ колядовщикамъ въ иныхъ мѣстахъ выносящѣ по ведру или больше пива, которое они сливаяющѣ въ возимую съ собою бочку.

Всѣ такъ называемыя святошныя игры сунѣ останки древнихъ въ честь богу мира праздниганнѣ. Въ сие время дѣвушки гадающѣ о своихъ суженыхъ, ш.с. рокомъ опредѣленныхъ будущихъ мужьяхъ своихъ; поющѣ такъ именующыя по свяшкамъ подблюдныя свя-

*) Такъ называемыя отѣ блюда, въ которое загадывающн дѣвушки кладущѣ какую либо съ себя вещьцу, какъ то: перстень, запонку и проч. и покрывѣ оное салфеткой, навадывающѣ уголь или огарокъ. Послѣ сего по проѣвѣннѣ пѣсни загадывающаа вынимающѣ вѣдь, и чѣя вынется напередъ, тому пѣсло въ пѣсни збудется. Загадывающѣ же обыкновенно о женишбахъ.

пошныя пѣсни, которыя я здѣсь для
 того не привожу, что они слишкомъ
 извѣстны всякому изъ моихъ чита-
 телей.

У с л а д ъ.

Радость на челѣ, румянецъ на ще-
 кахъ, уста улыбающіеся, увѣнчанный
 цвѣтами, одетый нерадиво въ легкую
 ризу, играющій въ кобзу, и пляшущій
 на голосъ оныя, естъ богъ веселія и
 жизненныхъ наслажденій, соупникъ
 Лады, богини пріятностей и любви;

Усладъ прельщавшій возвращемъ од-
 нимъ — —

Владим.

Онъ былъ почитаемъ покровище-
лемъ всякихъ удовольствій и увеселе-
ній. Кажется, что сіе божество на-
чально изображало душевныя и плъс-
ныя удовольствія: но какъ все ошвле-
ченное между народомъ преобращает-
ся въ чувственное и грубое, умствен-
ное же въ вещественное, то и Уладъ
почитаемъ былъ богомъ роскоши, пи-
ровъ, ушѣхъ, увеселеній, забавъ и осо-
бенно столовыхъ явственныхъ услаж-
деній, какъ Корсь пьянства. Человѣкъ
чувственный все любилъ принаров-
лять къ своимъ спрашамъ, кои
обратно приписывалъ всему извле-
ченному чувственности и спрашей.
Наконецъ скажу, при всякихъ пиршес-
твахъ (въ коихъ точно какъ и въ пи-
тьѣ полагалось въ древности все чело-
вѣческое блаженство) сіе божество
было призываемо и умоляемо.

Л а д а.

Лея, Полея, Дидь, Дидиай. Вошѣ прекрасное семейство, какеваго не могло выдумашь и Грецеское игривое воображеніе! Чшо естественнѣе, какѣ *Красоша* съ своими дѣшьми, *Любовію*, *Браломъ* или *Сочешаніемъ*, *Сулругешпенной* жизнью и *Дѣшторожденіемъ*?

Богиня красоты и любви всего болѣе чшима была въ Кіевѣ. Владимирѣ до крѣщенія своего будучи влюбчивѣ и повсюду собирая красавицѣ, весьма чшилъ сію Царицу любви. Онѣ ей воздвигнулѣ великолѣпный и преукрашенный на Горѣ *) храмѣ. Г. Херасковѣ такѣ оный описываетѣ:

*) Горю разумѣть должно мѣсто, гдѣ стоялъ старый Кіевъ: ибо слово Кіевъ по Сарматскіи значить гору.

Храмъ Ладии, пещерыи гордящійся
 столпами,
 Сохренившимъ изъ розъ обѣщанъ вкругъ
 цѣвнами.
 Богиня отрока держащая въ рукѣ
 Являлась въ бисерахъ и миріновомъ
 ѣвкѣ:
 У ней разущеныи власы подобно вл-
 ту;
 За благосши ея цѣвны приносишь въ
 алату.

Владим. Песнь III.

И въ другой (II) пѣснѣ:

И въ немъ (храмъ) величество небесъ
 изображаетъ;
 Ступеней семь, и семь вкругъ идола
 столпѣвъ. —

Изъ сего описанія Шита видно что
 храмъ ея былъ великолѣпный, и мо-
 жетъ быть великолѣпнѣе Перунова.

Лада изображалась въ видѣ молодой

прекрасной женщины, въ розовомъ
пѣнкѣ; волосы у нее были золото-
цвѣтныя: одетая въ Русскую одеж-
ду, опоясанная золотымъ поясомъ и
убранная жемчугами. Она держала
за руку младенца, которой есть богъ
любви или Лада.

И заговарывая съ младенцемъ сама Лада.

Херасковъ.

Служеніе сей пріятной богинѣ было
сходственное съ ея свойствами. Ей
пѣли въ честь пѣсни и приносили ку-
реніе ароматъ и цвѣты.

Россійской эпической пворецъ такъ
оное описывалъ:

Дѣвцы окруживъ кумиръ во строй-
номъ чинѣ,

Со умиленіемъ воспѣли богинѣ:

„О! нашей юности хранящая цѣлѣ!“

„Дай, Лада, мирное супружество намъ
ты!“

Массивки передъ ней какъ облакъ воз-
курили

И имя Ладино стократно повторили;
Въ то время возгремѣвъ кимваловъ
громкихъ звукъ;

Дѣвицы жерпъвенны составивъ цѣпь изъ
рукъ,

Когда произвела приятной голосѣ лира,
Плясанье начали при пѣсняхъ вокругъ
кумира.

Приходящѣ предѣ олтарь и жрица и
жрецъ

Носящи для дѣвицъ богиницы вѣнцы,
Которыхъ на главы священно возло-
женъе

Обязанъ Князь чинить любви во уваже-
нъе.

Владимирѣ оросилъ, началъ обрядъ та-
кой,

И руки и чело священной водой.

Вотъ описаніе служенія богинѣ люб-
ви, не требующее никакого дополне-
нія: потому что въ другомъ мѣстѣ

авторъ Владимира возрожденнаго до-
полнилъ оное такъ:

Краснѣ упренней зарѣ отроковицы
Несутьъ уже цѣпты во храмъ любви
Царицы.

Преображается въ помостъ прекрас-
ный лугъ,

И дѣвы юныя кумира стали вокругъ.
Сіянье чистыхъ звѣздъ онѣ изобража-
ютьъ,

Которыя луну блестящу окружають.
Едица между сихъ сіяетъ паче всѣхъ —

— — — — —
Ей первой жребіемъ гонимался вѣнецъ,
Который на дѣвицъ влагаютъ Князь
и жрецъ.

Развивая немногія слова, оспавшій-
ся въ нашихъ лѣтописяхъ о баснобо-
жии Славянъ, можно заключить, что
сей богинѣ наибольшаго воздавалось
въ Кіевѣ починаніе въ княженіе Вла-
димира до просвѣщенія его божествен-

нымъ свѣшомъ Христіанства. Будучи по словамъ древнихъ лѣтописцевъ женолюбивъ, воздавалъ великую честь богинѣ любви, и можетъ быть при немъ успаворены обряды служенія, описанные шворцемъ Владимірады; и сіе полному, что сные обряды служили ему пособіемъ къ избранію прекраснѣйшихъ изъ дѣвицъ.

Л е л я *).

Божокъ пламенный, рассыпающій или мещущій изъ руки искры. Сила его

*) Слово Лелѣишь, что говорится о ивженѣ дѣвицѣ, или оиъ Лелѣи происходитъ, или ифриѣ оиъ Лелѣи, какъ младенецъ оиъ сего слова.

соснояла въ воспламененіи любви. Онъ
 есть сынъ красоты, какъ и естествен-
 ненно красота рождаетъ любовь.
 Изображался онъ въ видѣ златовла-
 сцаго, какъ и мать его, пламеннаго,
 крылатаго младенца: свойство любви
 воспламеняюща. Онъ меналъ изъ рукъ
 искры: любовь воспалитъ сердца не
 искрами ли какъ бы исходящими изъ
 очей, изъ устъ прекрасной или лучше
 любимой (поэтому что въ языкѣ любви
 красотою называется что каждому
 изъ нераздѣлимыхъ въ особливости
 спрашно нравится) особы? Безоп-
 лучно находится при своей матери:
 весьма натурально любви всегда бытъ
 при красотѣ; красота всегда произво-
 дитъ любовь. Онъ старшій сынъ
 Леды: при соединеніи двухъ половъ
 любовь все прочее предваряетъ. Впро-
 чемъ Г. Херасковъ даетъ ему по подо-
 бію Эроса лукъ и стрѣлы:

Сынъ Ладиѣ въ воздухѣ взывается
 крилами,
 И напрягаетъ дукъ перпатыми ширь-
 лами.

Послѣ Любви слѣдуетъ Бракъ, ко-
 торой есть второй сынъ Лады, и име-
 нуется *Полея*.

Полея *).

Второй сынъ богини любви. Всякая
 чистая и на добродѣтели основанная
 любовь влечетъ за собою бракъ. По-
 чему Славяне вымыслили, или лучше,
 истинну прикрыли покровомъ сего вы-

* Какъ бы слѣдующій по Делѣ любви — то есть,
 Бракъ.

мысла. Сіе божество улыбающеся
 въ шипковомъ вѣнкѣ, подасть рукою
 простиерною шипковой же вѣнокъ, а
 въ другой держишь рогъ пшпця вѣр-
 носни. Онъ не естъ нагой, какъ
 братъ его, но оденъ въ шонкую ризу
 или рубаху. Сіе божество такъ же
 имѣло свои божницы въ Кіевѣ, хопя
 и въ другихъ мѣстахъ было чинимо.
 Херасковъ такъ его опредѣляетъ:

Подель веселостей богиню презождаль:
 Въ немъ Кіевѣ брачныя союзы обождаль.

Д, и дѣ *).

Вопъ преште чадо машери любви,
 жизнь супружня; сей такъ же какъ

*) Дидъ или прашимыѣ Дидъ. Дидо, Дидя,
 Дѣня, Дѣшъ, и янож. Дѣни.

и брашья его всегда молодѣ. Потому что супружняя связь, натурою установленная для размноженія человеческого рода, не должна ослабѣвать или старѣться. Супруги перестаютъ бытъ супругами только тогда, когда жаръ любви мало по малу угасаетъ: тогда они становятся друзьями. Сію послѣднюю связь разрываетъ одна только смерть. Онъ одетъ въ полную Славянскую одежду; вѣнокъ на немъ изъ васильковъ; онъ ласкаетъ держа въ рукахъ двухъ голубицъ. Сей богъ имѣлъ свой въ Кіевѣ храмъ, и ему молилися замужніе и женатые о благополучномъ супружествѣ и дѣторожденіи.

Д и д и л і я *).

Такъ же изъ семейства Лады. Она почиталась не только покровительницею благополучныхъ родовъ, но и разрѣшительницею неплодныхъ женщинъ. Почему и прибѣгали къ ней для моленія какъ чреватныя такъ и неплодныя. Испуканъ ея представлялъ молодую прекрасную женщину, имѣющую на головѣ на подобіе вѣнца украшенную жемчугами и камнями повязку; одна рука у ней была разжата, а другая сжата шмыслено, или кулакомъ. Наизнаиѣишій, сверхъ другихъ, храмъ ея былъ въ Кіевѣ. Сею Богинею окончивается Ладино семейство, изобрѣненіе коего весьма натурально, полно, вѣрно и прекрасно. Греки дали Венерѣ одного Эропа

* Какъ бы Дѣпидіа или Дѣподашельница.

или Любовь: Гименъ и Гименей были ей чуждые; а надъ родами начальствовала Юнона. Но Славянское воображеніе будучи вѣрнѣе, хотя и не столько живо и летуче, соснавило изъ всѣхъ сихъ одну семью совершеннѣйшую.

Мерцана.

Подъ симъ названіемъ Славяне разумѣли зарю. Слѣдовательно ей можемъ придасть тѣ же приложенія, кои Гомеръ, списывая съ природы, прилагаетъ къ своей зарѣ: онъ ее называетъ *рудожелтою зарю*, иногда же *златобаряною*. Она у него появляется

по два раза въ день. Когда Фебъ выѣзжаетъ на небо: тогда уиномъ поднимая мрачный покровъ ночи своими розовыми перстами, показываешъ на малое время свою златобагряную одежду. Какъ же скоро Фебъ вѣдетъ на небо, но снова скрывается; а въ другой разъ, какъ скоро Фебъ приближился къ западнымъ вратамъ своего дома, она ему оныя отворивъ и вспрѣтивъ дожидается пока пройдетъ, и до шѣхъ поръ ея златобагряная риза бываетъ видна, доколь опять не опуститъ она завѣсы ночи. Но Славянская заря при отпращиваніи сего служенія Сѣшовиду выходитъ иногда ночью рѣзвиться надъ нивами, порхая надъ созрѣвающими классами. И тогда зовутъ ея *зарница*. А какъ вѣрили, да и теперъ еще вѣрятъ, что зарница способствуетъ къ большому обилію и къ скорѣйшему созрѣванію

жашивъ; што и почишалась покрови-
пельницею нивныхъ плодовъ. А по-
сему молили ся о урожаѣ хлѣба. Приз-
накъ ся, какъ богини жашивъ, классо-
вой вѣнокъ; какъ заря, румяна и въ
злашобагряной одеждѣ, которая со-
сновитъ изъ обширѣйшаго покрова
или фаты, прикрывающей заднѣ пол-
головы, у груди приколонной и про-
спирающей до земли. Ся богиня
особенно сельскими жителями по-
чинчалась.

БОГИ ЗЕМНЫЕ.

ТРИГЛАВА.

Такъ же сокращенно именовалась *Тригла*. Ся богиня не имѣла храма въ городахъ и селеніяхъ, а находился онъ на поляхъ Кіевскихъ; испуканъ же ея представлялъ женщину о грехъ головахъ. Славяне, кажется, благоразумно поступали, не вмѣщая храма богини, изображавшей землю, среди жилищъ. Три ея главы означаютъ три начала соспавляющія земной шаръ, т. е. земля, вода и воздухъ: ибо существованіе огня полагалось въ земли. Сему доказательствомъ служилъ Прометей, похищившій огонь съ неба. Нѣтъ ничего лучше сей ихъ догадки, какъ поставитъ храмъ земли подъ открытымъ небомъ, поелику самое изображеніе сего храма и богини

значило землю. Сверхъ сего при ея главы могутъ представлять собою горы, долины и лѣса. Въ смыслѣ же опвлеченномъ, богиня сія, кажется, изображала продолженіе времени, наступающее, прошедшее и будущее.

В о л о с ъ.

По причинѣ пользы, получаемой отъ скоша, коего сей богъ почитался покровителемъ, послѣ Перуна, бога ужаса, Волосу, подашею чрезъ сохраненіе скоша великихъ пользъ и благъ людямъ, воздавалось величайшее почитаніе. Самое имя означаетъ его велечшимымъ: ибо Велесъ, чрезъ шол-

кованіе слова, значить *вѣдѣи естъ*, *п. е.* великій, а *Волось*, *володѣющій*, *п. е.* обладатель*). Сіе высокое почитаніе къ нему Славянѣ видно въ *Лѣтописяхъ* изъ договоровъ Свяшослава съ Греками, когда въ соблюденіи мира Греки присягали *цѣлуя крѣстѣ и Евангеліе*, а Свяшославъ, *вынувъ изъ ножной саблю*, *клялся надъ нею Перуномъ и Велесомъ богомъ скотнѣмъ*. Имя Велеса, какъ хранишеля скотовъ, еще и по нынѣ сохраняется въ созвучномъ оному имени *Св. Власть*, или по просьбу *Власа*,

*) Волосами или Влажми древніе именовали Римляне, какъ обладателей всей земли (цѣмъ онѣ и сами хвалились). А какъ съ землю Геттовъ, кой были Славяне, жившіе на вѣснѣ нынѣшней Волохи и Молдавіи, Римляне посылали на поселеніе безпокойныхъ воиновъ; по Славяне называя сихъ Волосами, назвали и самую часть заселенной ими земли Волохѣею; нарицали же шюгъ, другому онѣ дѣлени Геттовъ дали Римляне прозваніе Мушпціи. Нынѣшніе Волохи и Молдаване естъ не иное что какъ сѣбѣ Славянѣ - Геттовъ съ Римлянами.

кошораго деревенскіе жишели называюшъ коровымъ богомъ, точно какъ *Ст. Егорія*, коневымъ и овечьимъ. Онъ съ бычачьими рогами, въ простой одеждѣ, держишъ въ рукѣ чашу съ молокомъ: ибо онъ предпочтительно покровительствовалъ крупному рога-шному скопу. Въ жерщву ему приносились коровы и быки. Въ Кіевѣ воздвигнуты были ему божницы; равномерно и въ другихъ городахъ имѣлъ свои капища.

Хераскобъ говоришъ такъ о семь идолахъ:

— — и Велесъ паспвы богъ.

Что согласуешя съ моимъ описаніемъ.

Могошь *).

И сей по Нестору есть такъ же богъ скоповъ: однакожъ надобно замѣнить различіе между Могошемъ и Велесомъ. Первой крупнаго скопа богъ, другой же мѣлаго, какъ то, овецъ козъ и проч. А какъ похва сѣ мѣлаго скопа получаема ссипонѣ во первыхъ въ шкурахъ и потомъ въ мясѣ; но и изображеніе сего бога будетъ пому соотвѣтственное: сѣ мохнастой козлиной бородой, сѣ бараньими рогами, въ шубѣ бараньей на выворотѣ; въ рукахъ палка или паспуній посохъ, а въ ногахъ у него моженъ положенъ быль барашикъ. Сей богъ такъ же

* По разности произношеній, Мокошь называется Макошь, Мокосль, что все изъясняется словомъ Могошь.

имѣлъ по городамъ свои храмы; а почитаемъ былъ всего болѣе поселянами.

Купало.

Веселый и прекрасный богъ, одетый въ легкую одежду и держащій въ рукахъ цвѣтны и полевые плоды; на головѣ имѣющій вѣнокъ изъ цвѣтшовъ купальницъ, богъ лѣта, полевыхъ плодовъ и лѣтнихъ цвѣтшовъ, *Купало* *). Онъ

*) Имя сіе происходитъ отъ купа, кустъ, которой въ Славянскомъ языкѣ увеличительно называется купина. Купа (масса) происходитъ отъ сего слова: ибо прежде дано такое же названіе кусту, а отъ него уже сравнительно съ совокупнымъ множественнымъ крушевъ или споловъ его, дали названіе купы собранію однородныхъ вещей.

почищается преннымъ по Перунѣ и
впорымъ по Велесѣ: ибо по скопо-
водствѣ земные плоды всего болѣе слу-
жающъ къ содержанию и продовольст-
вию человеческой жизни, и составля-
ющъ его обиліе и богатство. Мерца-
на любила нивы, снѣдая ночью на
оня, играя и резвясь надъ ними, а
можетъ и съ самыми классами, лю-
бимѣйшими ся раснѣями, копо-
рыхъ созрѣванію способствовала: сіе
же самое божество неклое о изобиліи
и благополучномъ созрѣніи всякихъ
полевыхъ произрастеній. Върожно,
что по приведеніи въ зрѣлость клас-
совъ, Мерцана ихъ оставляла, и пре-
поручала дальнѣйшее о нихъ попеченіе
Купалѣ. И онъ-то долженъ былъ со-
хранять ихъ отъ непогодъ, сильныхъ
вѣтровъ, и покровительствовашъ зем-
ледѣльцамъ собирающимъ ихъ. Или,
послику Мерцана только ночью сходи-

ла для любованья ими, но спаненся, что дневное попеченіе брааъ на себя Кунало. Какъ бы ни ни было, но самыя жертвы приносившіяся ему предъ начатіемъ жатвы доказывающъ, что онъ сверхъ другихъ полевыхъ произведеній покровительствовалъ такъ же и нивнымъ.

Празднованіе ему ушановлено было мѣсяца Червца 23 и 24 дня *). Тогда молодые люди обѣихъ половъ въ вѣнкахъ и опоясаніяхъ (гирландахъ) изъ кунальницъ и другихъ цѣбшохъ во кругъ расположеннаго огня при пѣніи пѣсень плясали, почасну чрезъ оный перескакивая. Пѣсни же сіи были или въ честь Кунааъ, или въ оныхъ припѣвалось только его имя.

*) Червецъ, получившій такое свое названіе отъ разножидущаго тогда червей или молкъ насекомыхъ, соотвѣтствуетъ нашему числу мѣсяцу.

Таковыя пѣсни еще и по сіе время по иѣкошорымъ деревнямъ и селамъ продолжаютъ. По воспріятіи Россією Христіанской вѣры прошло болѣе восьми сотъ лѣтъ, и совѣмъ нѣмъ слѣды древняго бѣтнбожія все еще не могутъ изгладиться: сколько челоуку любезны боги образованные имъ по своему подобію, спрашямъ и нравамъ!

Родомыслъ.

Божество Славянъ Варяжскихъ, покровитель законовъ, податель благихъ совѣщовъ, мудрости, красныхъ и умныхъ рѣчей. При началіи град-

скихъ совѣщаній или сходокъ, относящихся къ благоденствію града, или къ оповращенію угрожающей общей опасности, ему молились, принося жертвы. При всякомъ важномъ предпріятіи, требующемъ мудрости, Родомыслъ былъ призываемъ. Сіе божество имѣло въ городахъ при Варяжскомъ морѣ свои храмы. Истуканъ его представлялъ человека въ размышленіи, упершаго въ лобъ указательнымъ перстомъ правой руки; въ лѣвой же рукѣ щипъ съ копьемъ. Сіе божество казется быть тоже, что у Цельновъ Виддеръ, богъ мудрости и красворбія.

С ъ в а. *)

Собственно богиня осени и садовыхъ плодовъ. Изображалась въ видѣ нагой женщины съ полными сосцами, имѣющей волосы висящими до подколѣнокъ, и держащей въ правой рукѣ яблоко, а въ лѣвой гроздь. Суевѣріе, дѣлавшее себѣ изъ всего божества, изъ благораспорядка воздуха, умѣренности погодъ, и обыкновеннаго плодоноснаго года, образовало себѣ особенное божество, будто бы благославлявшее сады его и огороды, и оному молилось и просило его о покровительствѣ. Впрочемъ изображеніе сей богини оспроумно. Нагота ея изображаетъ состояніе природы въ плодотворную часть года; полные сосцы и длинные волосы, общую всѣхъ шварей пита-

*) По разности произношенія въговаривалась, Сива, Сива, Дзива, ш. е. дѣва.

пелену во всемъ преизобилующую; яблоко служивъ эмблемою мащери ибжащей милыхъ чадъ своихъ, гроздь же упоевающей всѣхъ роскошью. Сѣва была божествомъ не только плодовъ садовыхъ, но и самаго времени ихъ поспѣванія, осени. Она особенно почиталась отъ Славянъ жившихъ при Варяжскомъ (Балтійскомъ) морѣ.

Зевана.

Богиня звѣриной ловаи. И подлинно Славянамъ жившимъ почти во всей Россіи среди лѣсовъ, и промышлявшимъ ловлею звѣрей, сія богиня была послѣдней важности. Векши (векоши и ногапы) и куницы (куны) соснав-

ляли въ древности не только ихъ одежду (здѣсь говорится о Славянахъ Древляцкихъ, т. е. жившихъ по лѣсамъ) но еще и вмѣсто ходячей монеты употреблялись *). Ся богиня изображается въ куньей шубѣ, кошпной верхъ покрытъ бѣлицыми шкурками. Сверху надета вмѣсто эпанчи кожа медвѣдя, крото голова служилъ вмѣсто шишака. Въ рукахъ лукъ напаянушый съ тупой стрѣлою или канканомъ; подлѣ нее положены лыжи и бичые звѣри, шакъ же рогащина и ножъ. Въ когахъ лежатъ со-

*) Обиліе въ звѣряхъ и недостатокъ въ дорогихъ металлахъ, заставило употреблять шкурки звѣрей вмѣсто монеты. 20 бѣлицыихъ шкурокъ равнялись одной куней; а 20 куней соотвѣтствовали гривнѣ, т. е. 1 фунту серебра. Позжѣ серебро такъ возвысилось, что 7½ ф. или 150 кунѣ, что будетъ 3:50 ябкошь, стоило 1 фунтъ серебра; въ послѣдній времени платилось за гривну или 1 ф. серебра по 120 гривенъ кунами, или по 2400 кунѣ, что составилъ ябкошей 48000.

Бака. Сей богинѣ молились ловцы, прося у нее щастія въ зѣрловствѣ. Храмы ей сооружены были въ лѣсахъ. Въ честь ей приносилась часть добычи получаемыхъ охотою.

Ч у р ь.

Почитался богомъ межей. Онѣ не имѣлъ храмовъ; но былъ божество умственное. Его просили о сохраненіи межей на поляхъ. Въ разсужденіи виду, можетъ бытъ не предсказывали ли его камни положенные для опредѣленія между полями границъ? Слово чуръ и чуръ употребляется, означая воспященіе какого либо дѣйсвія. Сте слово у колдуновъ шаманское,

коимъ они призваннаго чорта опять прогоняютъ *). Въ заключеніе скажу, что я не ручаюсь за свое словопроизведеніе: я намѣкнулъ только мою догадку: а догадка для сего не есть еще самоиспінна.

Прове.

Онъ же именуется и *Промо*. Сии оба слова имѣютъ сходныя между собою значенія. *Провѣ* или *Провѣщѣ*, *провѣщающій*, *пророчеспвующій*: *Промо* же

*) Явственно, что я, писавши басню, не говорю о знаніи колдуновъ, какъ о чемъ-нибудь существующемъ, а лишь же не выдаю за дѣйствительное сообщеніе ихъ съ духами, вымышленное и сплетенное ими на свою славу; но только какъ вѣрнѣе тернъ сему или обману, принимая что за самую неспинну.

онѣ слова прознашь, ш. с. предвѣдашь, или преникнушь. Почитаемъ былъ Прове Вендскими и Номеранскими (ш. е. поморскими, приморскими, поморянскими) Славянами. Они его щипали впорымъ по Свѣтovidѣ, коему воздавали величайшее почитаніе. Ишуканъ сего божества синояѣ на высокомъ густолѣснѣнномъ дубѣ, предъ которымъ поставался жершвенникъ для жершвоприношеній; вокругъ же дуба усѣяно было по земан двуликими, шрелѣкими и чешвероликими болванами. Кажется что подъ симъ божествомъ Славяне разумѣли предопредѣленіе, управлявшее міромъ и распоряжавшее будущимъ. Впрочемъ, не жрецъ ушами бога предсказывалъ, но думали что самъ Прове вселяясь въ жреца, говорилъ его ушами. Ему приносили въ жершву пѣвнихъ: по закланіи, жрецъ шчилъ

кровь ихъ въ чашу и прикушивалъ; а отъ сего и вѣрили, что онъ получалъ чрезъ то большую силу къ предсказанію. По окончаніи жершвы, и полученіи благопріятнаго предрѣченія, кумиробожащели начинали Бствъ, пинь и веселишья.

Радгаспъ.

Былъ обожаемъ такъ же Варяжскими Славянами. Онъ почиался заципникомъ городовъ. Испукапъ его былъ на подобіе Варяжскаго Славянина, вооруженнаго копьемъ, держащаго въ лѣвой рукѣ щипъ съ изображеніемъ на немъ воловьей головы; въ шлемѣ, на коемъ предсавленъ былъ лѣшухъ съ распросершыми крыльями. Всѣ сіи

признаки означаютъ въ немъ блюстителя города: копье, поразишеля враговъ; щипъ, градопокрывшеля и защитника; воловь голова, силу и крѣпость; пѣшужь, бодрость и бдѣніе въ сохраненіи городовъ, которые у старинныхъ Славянъ (точно какъ у Грековъ и Италіанцовъ древнихъ) составляли каждой въ особенності особливое общенародіе или Государство. Радегастъ, какъ и самое имя его объясняшъ, значилъ поразишеля непріятелей *). Ему сверхъ другихъ жершвъ, приносили кровь человѣче-

*) Госпъ въ старину по разности временъ и мѣстъ имѣло различное значеніе: а) госпъ значилъ морскаго набѣдника, какъ то и Несторъ о севѣ говоритъ, что обитавшіе при Варяжскомъ морѣ назывались Вагри (морскіе разбойники) или гости, (откуда враги или предони, разбойники) или Люшти, залье, чпо все одно и тоже; б) Госпи, прѣѣзжіе купцы; в) торгующіе обшомъ; г) и нынѣ госпъ имѣетъ два разныхъ значенія, посѣщащеля и торгующаго обшомъ.

скую. Будучи равнобрно почи-
таемъ прорицателемъ чрезъ жре-
ца, долженъ былъ ублажать часть
варварской жершвы своему служи-
телю, который по выпоченіи изъ
нещаснаго жершвусамаго крови его,
овую прикушивалъ, какъ бы чрезъ то
сообщаясь съ богомъ. По окончаніи
жершвы и предсказанія, начинался об-
щественной пиръ, послѣ котораго
играли на музыкальныхъ орудіяхъ и
плясали. Здѣсь замѣшимъ мы однаж-
ды на всегда о всѣхъ при Варяжскомъ
морѣ обитавшихъ Славянахъ, что
боги ихъ были такъ же безчеловѣчны,
какъ и они сами. Славяне при поселе-
ніи ихъ на сихъ берегахъ, и смѣшав-
шись съ поморскими Финцами, про-
мышлявшими набѣдами и грабежами
по морю Варяжскому, они переняли у
сихъ варварской ихъ промыслъ, и
такъ же развѣзжали по морямъ для

грабительствѣ. А сіе самое упражненіе уменьшало или и совсѣмъ изпребрало въ глазахъ ихъ ужасъ и обращеніе къ противосшестивеннымъ жертвамъ, поелику, по известнымъ законамъ природы, привычка опъ усиленія дѣлалася вѣдѣннорою натурою. Самому Свѣшовиду, богу крошккому и благоиворному, дерзали приносить кровь челоѣчскую; наконецъ, прибавимъ еще, что при закланіи какъ живонныхъ такъ и людей, мечтали приносить въ жерпву богамъ душу, копорая у всѣхъ непросѣценныхъ народовъ полагалась въ крови; а посему кровь и была свящѣннмъ пожертвованіемъ идолу.

Корсѣ. *)

Вощѣ и покровителѣ охотниковѣ до пива и мѣду. Нагой, одушловантой, вѣнокѣ на немѣ сплешекѣ изѣ хмелевыхѣ плѣшней сѣ лиспьями; перевязѣ на немѣ хмелевая же. Вѣ правой рукѣ держишѣ ковшѣ, изѣ котораго хочешѣ пишѣ; во кругѣ него лежишѣ груди черепевѣ отѣ разбитыхѣ кувшиновѣ; самѣ же сидишѣ на ушлой вѣрхѣ опрокинутой дномѣ бочкѣ. Славяне молились ему, выстуная на ньянщвенные поединки. Ибо вѣ древности не шолько у Славянѣ, но и вѣ цѣлой Европѣ шощѣ не малымѣ почи-

*) Такъ же Корсѣ, Корша и Коршѣ. Начально ковшѣ кажется назывался коршѣ; ибо и до нынѣ вѣ Малороссіи уменьшительно говоришѣ, корчикѣ и коревѣ, индѣже и коршикѣ. Почему сему богу и дано имя отѣ орудія всего чаще, имѣ употребляемаго вѣ князюваніяхѣ своихѣ.

падася богатыремъ, кто могъ пере-
 пить всѣхъ. Тогда, какъ въ наши
 вычищенные времена, пьянство не
 только не приносило стыда; но еще
 кто долженъ былъ шерить по-
 смѣяне, кто или не пилъ, или не могъ
 пить много. Цесарь то же самое го-
 ворилъ о Германцахъ, что они пьяной
 напишокъ, извѣстнымъ образомъ сва-
 ренной (пиво) пьютъ до излишества,
 и кто больше другихъ выпьетъ, тотъ
 большую получаетъ честь. Но не ска-
 зали ли такъ же и Персы въ честь
 Александру, что онъ храбръ, прекра-
 сенъ, уменъ и всѣхъ перепиваетъ? Сей
 порокъ у Грековъ долгое время (да едва
 ли еще и теперь) почитался добродѣ-
 телью, или лучше похвалбою и мо-
 лодечествомъ. Анакреонъ воспѣвая
 любовь, вмѣстѣ съ нею славитъ свои
 роги, изъ которыхъ прежде пивали,
 и въ видѣ сихъ самыхъ роговъ были

покалы, здѣлаемые изъ мешалла или
дерева. Но наши предки, особенно
воины, любили въ шоржесивенныхъ
пиражъ пить изъ череповъ убитыхъ
ими злѣйшихъ ихъ враговъ, въ знакъ
шоржесивованія надъ ними. И сей
обычай собственно не Славянской.
Почти всѣ полупросѣщенные народы,
главнѣйшее упражненіе свое полагав-
шіе въ войнѣ, такъ поступали. При-
мѣромъ тому Цельшы (Данчане), Нор-
манцы (Шведы) и проч. Да и нынѣ
обычай сей сохраняется у многихъ
дикихъ народовъ.

Я с с а.

Божество Славянъ Полянскихъ и Гершовъ *).

 Позвездъ.

Свирѣпый богъ непогодъ и бурь: Русской эпической повѣсть о немъ такъ говоритъ:

*) Ясса, Посевидъ и Гроувъ, три божества, которые всѣ входящъ въ составъ Славянскаго многобожя, но, которыхъ ошлительныя свойства и принадлежности, равно какъ и образъ служеня имъ, и другія касательно сего подробности не могли описать свѣдѣннорою вѣроятностию, за недостаткомъ письменныхъ о томъ показаній или изустныхъ преданій, я prosegu не связавъ о нихъ ни слова; ибо я не взялся подставлять искусственнаго спасенія вымысла вмѣсто истинны болѣе или менѣ сомнѣнно подтвержденныхъ.

И Позвиздъ бурями, какъ ризою одетой.

И вотъ шаринное о немъ понятіе:

— — — — —

Съ брады дожди льютъ проливные,
 Изъ усть вадятъ шуманы алые.
 Тряхнешъ ли Позвиздъ волосами?
 Валишъ на землю подосами,
 Низъ изшребилель, крупный градъ.
 Махнешъ ли хладною полою?
 Звъздчатъ сѣтъ хлопьями вѣлишь.
 Лепитъ ли облачной спраною?
 Предъ нимъ предидетъ шумъ и свистъ;
 Полкъ вѣтровъ, бурь за нимъ несешся,
 Вавъвадъ къ небу прахъ и лисъ;
 Спольшній дубъ шрецишъ и гнѣтся;
 Боръ клонится къ землѣ правою;
 Трепещунъ рѣки въ берегахъ.
 Крупится ль въ голыхъ онъ скалахъ?
 Савспитъ, реветъ, гулитъ, яришся.
 Ударитъ ли въ утѣсь крыломъ?
 Вздогнешъ гора; утѣсь валится;
 И въ пропастьхъ кашится громъ.

И такъ Позвиздъ имѣшѣ видѣ сви-
рѣпый, волосы и бороду всклокочен-
ную, епанчу долгую и съ крыльями на
разпашку. Ему, какъ и Виргиліеву
Эолу, мѣстопробываніе должно данъ
на высокихъ горахъ. Онъ имѣлъ
близъ Кіева храмъ на полѣ: пошому
что суетѣріе думало, что эпонѣ вы-
мышленной и образованной съ дѣлній
природы богъ могъ залешанъ въ сей
поспрошной ему посподой домъ.
Кіевляне распрощраняли властѣ его;
они почищали его не только богомъ
бурь, но еще и великихъ воздушныхъ
перемѣнъ, какъ добрыхъ такъ и ху-
дыхъ, полезныхъ и вредныхъ. Поче-
му и просили о дарованіи красныхъ
дней, и объ опивращеніи непогодъ,
которыя починались находящимися
подъ его властїю и управленіемъ. А
и шего еще въроянїе кажется, что
они молили его не столько о подаваніи

имѣ блага, сколько чинѣвъ не причинялъ имѣ зла, по которой самой причинѣ и всѣмъ предносимъ богамъ воздавалось почитаніе. Въ Владимірадѣ Позвиздѣ такимъ образомъ похваляшея своею силой:

Я двину облаки и воды возмушу,
Рѣками дождь и градъ на землю низнушу.

Мнѣ въ буряхъ къ своейственной свирѣпости прибѣгну;

Я грады низложу, дворъ Царскій опровергну.

Д о г о д а .

Вошѣ милое божество, противоположенное свирѣпому Позвизду! Младый, румяный, русокудрый, въ василько-

вомъ вѣнкѣ, съ голубыми по краямъ позолоченными крыльями бабочекъ, въ среброблещящей голубоватой одеждѣ, держащій въ рукѣ шипокъ, и улыбающійся на цвѣты, леща надъ оными и помавая имъ, естъ Славянской богъ пріятнаго весняго времени; шихъй, прохладной вешерокъ, Додога. Омъ имѣлъ свои храмы, и ему жершвовали цвѣщами, пѣснями и плясками.

З и м с е р л а *).

Подъ симъ именемъ предки наши почитали богиню весны и цвѣтловъ. Она имѣла свои божницы, и праздники ея

*) Зимсера такъ же. Но справедливѣе Зимсераа, протонимельница зимы, заидышая мѣсто зимы, изгладившая зиму.

были въ мѣсяцѣ Цвѣтень (Апрѣль): пошомучшовъ южныхъ странахъ Россіи съ этого мѣсяца начинается весна. Сія богиня хощя и скрывается иногда, но въ свое время появляешся снова въ прежней своей молодости. Изображается она прекрасною дѣвицею, одетою въ легкое бѣлое Русское платье, подпоясанною поясомъ розовымъ, переплетеннымъ золотомъ; на головѣ у нее изъ розъ вѣнокъ; въ рукахъ держа лилею, нюхаетъ. Грудь ея вся открыта; на шеѣ ожерелье изъ цукорей. Перевязь черезъ плечо цвѣточная. Ей приносили были въ жертву цвѣтны, кои собирая въ ковшницы, посвящали предъ ея кумиромъ, равно какъ и капище въ ея праздники убиралось и усыпалось цвѣтами. Въ богиню сію, равно какъ и въ дары ея, всегда влоубленъ Догода.

Зимерзла *).

Богиня суровая, дышущая холодомъ и морозами. Одежда на ней на подобие шубы изъ сотканныхъ ембснѣ инеевѣ. А какъ она царица зимы, ино порфира на ней изъ снѣга, изшканная ей морозами, чадами ея. На головѣ ледяный вѣнецъ, унизанный градами. Богинѣ сей молились о умѣреніи ея жестокости.

*) Симмерзла, Зимасрала, Симарзла, Зимарзла. Зимерзла. Слова означающія все одно и тоже, т. е. зиму и мерзнуть.

П Р Е И З П О Д Н І Е

ИЛИ

ПОДЗЕМНЫЕ БОГИ.

Ч е р н о б о г ъ .

Ужасное божество, начало всѣхъ злоключеній и пагубныхъ случаевъ, Чернобогъ изображается облеченнымъ въ броню. Имѣя лице исполненное ярости, онъ держалъ въ рукѣ копье голшное къ поражению, или битье къ нанесенію всякихъ золъ. Сему спрашному Духу приносились въ жертву сверхъ коней, не только пѣнные, но и нарочно ему предсшавленные для сего люди. А какъ всѣ народныя бѣдствія приписывались ему; то въ паковыхъ случаяхъ молились и жертвовали ему для опвражденія зла. Сего

ужаснаго лжебога Г. Херасковъ такъ описываетъ:

Шумящъ оружіемъ приходишь Черно-
богъ;

Сей люшый Духъ поля кровавыя оспа-
вилъ

Гдѣ варварствомъ себя и яростію про-
славилъ;

Гдѣ были въ сѣдѣ звѣрямъ разбросан-
ны пѣла;

Между профеями гдѣ смерть вѣнды
пела.

Ему коней своихъ на жертву прино-
сили,

Когда Россіяне побѣдъ себѣ просили.

Сильный богъ, былъ богъ пѣлесной
крѣпости, мужества; Ледъ, богъ
войны, храбрости и военныхъ до-
блесей, богъ побѣдоносныя славы.
Послѣ страшное божество услаждалось
кровопролитіемъ и неисповѣдомъ.
Тѣмъ воздвигала жертвенники благо-

дарность, какъ бы за низносанные ими дары воинскіе, и молились имъ, прося дашь силу для защиты себя и опогнанія враговъ: но сему ужасному Духу сооружалъ храмы Спрахъ и Ужасъ. Его просили полько объ оп-
 вращеніи зла, какъ онаго источникъ; но благоспи вънемъ не уповали найши, и не искали ся.

Изъ нѣкоторыхъ описаній видно, что храмъ его поспросенъ былъ изъ чернаго камня; испуканъ выкованъ изъ желѣза, предъ коимъ споялъ жершвенникъ для сожженія ему жершвъ. Помостъ его храма, сказывающъ, былъ напоенъ кровію: что и върояшно, когда предспавляли его себъ такимъ звѣрскимъ и кровоніспивеннымъ существомъ.

Н Г Й.

— — — зрю огненнаго Нія:

Въ немъ ада Судію быль чыяла Россія.
Онъ пламенный держаль въ рукахъ на
грѣшныхъ бичь.

Владиміръ да,

Вложенное въ челоѣка самую природою умопредсшавленіе безсмертія души, и надежда жизни по смерти, которой щасливое или злополучное состояніе зависншь отъ порочной или добродѣтельной настоящей жизни, подало средснво всѣмъ народамъ къ вымышленію боговъ мстящихъ по смерти за беззаконія въ сей жизни учиненныя. Равно какъ проводшимъ здѣсь жизнь свою благочестиво, но гонимыхъ люшымъ рокомъ безъ жалоснн, и спраждуущихъ невинно, награда угошоваемая имъ

въ будущей жизни состояла въ особенныхъ народомъ любимѣйшихъ удовольствіяхъ. Цельныйской рай богатырей или Валгалла услаждалъ рыцарской духъ угодниковъ своихъ воинскими играми или битвами, на коихъ убитые при наступленіи обѣденнаго времени оныя пробуждались отъ смерннаго усыпленія, и шли съ побѣдителями безъ всякой вражды за одинъ столъ, гдѣ угощали ихъ вкуснѣйшими изъ кабаньяго мяса приготовленными яствами, и подчивали до избытка пивомъ; по окончаніи же обѣда возвращались снова къ рыцарскимъ своимъ упражненіямъ. Но несчастивые всѣ были во власти Мидгара и Ферниса, или самое существованіе ихъ исчезало.

Славяне полагали (по примѣру многихъ другихъ народовъ) мѣсто казни для беззаконниковъ внутри земли.

Судью и исполнителемъ казней опредѣлили имъ особеннаго неумолимаго и безжалостнаго бога Нія,

Имѣющаго свой внупри земли престолъ,
И окруженнаго кипящимъ моремъ золь.

Владимирѣ да.

Сей судія мертвыхъ почитался
такъ же насылашаемъ

— — — — —
ночныхъ ужасныхъ привидѣній.

Владим.

Изъ успиныхъ преданій, оставшихся намъ въ старинныхъ сказкахъ, видно, что искуканъ Чернобоговъ былъ выкованъ изъ желѣза. Престолъ его состоялъ изъ краугольный камень изъ чернаго гранита высѣченный. Въ знакъ своего владычя, имѣлъ на головѣ зубчатый вѣнецъ, въ рукѣ свинцовой скипетръ и огневидный бичь.

Жертвовали ему не только кровью животныхъ, но и человѣческою, особенно же во время какихъ либо обществѣнныхъ злоключеній.

С ш р и б о г ъ .

Божество наказывающее беззаконниковъ въ преисподней и бичъ злодѣяній въ семь мѣрѣ. Онъ такъ же изпребишель всего видимаго, подобно Индѣйскому Сибѣ, или разрушителю, точно какъ богъ Живошъ сохранитель сходствуетъ съ Индѣйскимъ божествомъ Вишну. Его мести предавались заслужившіе проклятіе.

Яга Баба.

Это очень злая, старая и мощная колдунья или волшебница; видъ у нее спрашной. Она не сполько въ адъ живеть, сколько на этомъ свѣтѣ. Домъ ея избушка на курьихъ ножкахъ, спойшь и сама поверивается. Древніе наши богатыри всегда ея нахаживали лежащею на лавкѣ; носъ ея висить черезъ грядку (сешь въ избѣ для вѣшанья укрѣпленной). Ся старая колдунья не пѣшкомъ ходить, но развѣзжаетъ по бѣлу свѣту въ желѣзной стулѣ *) (ш. е. колесницѣ самокап-

*) Сипуа или спунья, какъ бы самоходъ: сипуа же въ старину называлась ложкаль; пестъ же, кажется, произошелъ отъ слова пестъ, ш. е. кулакъ или дыгало, (откуда нынѣ спунъ значить въ пропонарчѣи ударить кулакомъ) какъ бы пестное оружіе; точно какъ и палица получила свое начало отъ палъ, въ уменьшительномъ палецѣ (отъ чего образовалось слово палитъ, ш. е. пропунъ палецомъ или паломъ собачку).

ной): и когда она въ ней прогули-
 вася, то понуждаетъ оную бѣ-
 жать скорѣе, ударяя желѣзною же
 палицею или пестомъ. А чшобъ для
 извѣстныхъ ей причинъ не видно бы-
 ло слѣдовъ ея, то замешаются они за
 нею особенными къ шумѣ придѣлан-
 ными мѣломъ и помеломъ.

К и к и м о р а.

Богъ сна и ночныхъ привидѣній. Ихъ
 представляли себѣ множешво; а по
 сему и можно ихъ почестъ за служи-
 пелей и пословъ Невыхъ. Произхож-
 денте имъ дають онѣ рода человѣче-
 скаго: они живутъ такъ же и въ до-
 махъ; прешолюдины вѣрятъ, что

они по ночамъ въ пошемкахъ прядушъ, и хоши ихъ самихъ и не лъзя видѣти, но утверждають, что слышно движеніе веретена. Въ самомъ же дѣлѣ, или кошка въ то время курнычитъ, или червяки почашъ дерево, либо ползають шараканы. * Впрочемъ сіи Духи не опасны: они ни кому не причиняють зла, хотя иногда и беспокояшъ, однакожъ не столько какъ Домовые, которыхъ прешой народъ щитаешъ самыми безпкойными проказниками. Кикиморы, по мнѣнію шонкихъ въ сей маперіи знашковыхъ, сущъ рода женскаго, и онѣ сообщенія съ домовыми Духами продолжають и свой и послѣднихъ родъ. Въ домахъ живушъ они будучи шуда посланы на урочное время: но опечесшво ихъ презподняя.

ВОДНЫЕ БОГИ.

ЦАРЬ МОРСКОЙ.

Владычество надъ морями препоручили идолопоклонствующіе Славяне особенному божеству, назвавъ его Царемъ морскимъ. Будучи столько же деревнѣ какъ и самое море, имѣвшъ вѣнецъ изъ морскаго папоротника; разбѣзжалъ по морямъ въ раковинѣ везомой морскими псами: въ одной у него рукѣ весло, знакъ укрощенія волнъ, въ другой же острога, знакъ ихъ возбужденія. Обищалище его во глубинѣ океана, гдѣ чертоги и престолъ пакъ изображены Г. Ломоносовымъ:

Въ недосязаемой отъ смертныхъ
сторонѣ,

Между высокими, кремнистыми го-
рами,

Что мы по зрѣнію обыкли звать мѣ-
лями,

Покрытый золотымъ пескомъ про-
стерся долъ:

Столпы во кругъ его огромныя кри-
сталлы,

По коимъ обидиась прекрасныя ко-
раллы.

Главы ихъ сложены изъ раковинъ ви-
шнихъ,

Превосходящихъ цвѣтъ души межъ
плучъ густыхъ,

Что кажетъ укротясь намъ громовая
буря;

Помостъ изъ аспида и чистаго лазуря.

Палаты изъ одной изъблены горы;

Верхи подъ чешуей великихъ рыбъ
бугры;

Уборы внутренни покровъ черепокож-
ныхъ

Безчисленныхъ звѣрей во глубинѣ воз-
можныхъ.

Тамъ шронъ жемчугами усыпанный
янтарь,

На немъ сидишь волнамъ съдымъ
подобный Царь.

Въ заливы, въ океанъ десницу проспи-
 раетъ,
 Сафирнымъ скипетромъ водамъ по-
 велъбасті.
 Одежда царская, порфира и виссонъ,
 Чмо сильныя моря несутъ ему предъ
 тронъ.

Петръ, да.

Его особенно чтили приморскіе Сла-
 вяне, Варяги, и, с. морскіе набѣдники,
 умоляя о щасливомъ по волнамъ пла-
 ваніи.

Чудо Морское.

Служитель и вѣстникъ Царя морскаго. Оный кажется бытъ совершенно подобенъ Трипону Грековъ.

Полудухи.

Сіе общее названіе даю я такимъ мечтаемымъ существамъ, коихъ воображали себѣ ни совсѣмъ безшлесными, ни шлесными, и кои какъ бы въ своихъ стихіяхъ обитали, иные же въ лѣсахъ, въ рѣкахъ, въ омушахъ и проч. Они суть:

ЛѢШЕ, обитатели и хранители лѣсовъ. Сіи особливаго свойства. Когда идушь по лѣсу, то равны съ лѣсомъ; когда же по правѣ, равны съ правою: а иногда являются они людямъ въ образѣ человѣческомъ.

ВОДЯНЫЕ ДУХИ, или Дѣдушки живутъ въ глубокихъ мѣстахъ рѣкъ, гдѣ имѣютъ великолѣпные дома. Они уносятъ купающихся по шѣмъ мѣстамъ людей, особливо же мальчиковъ, коихъ и пріучаютъ жить у себя въ домахъ; а си въ послѣдствіи времени заснуваютъ сами мѣсто сихъ Дѣдушекъ. Равно какъ и Лѣнтіе уносятъ молодыхъ дѣвней, и поспивавъ ихъ въ своихъ лѣсныхъ обителяхъ, дѣлаютъ по себѣ преемниками.

ДОМОВЫЕ, кои живутъ въ домахъ и дворахъ. Ежели въ которомъ дому Домовой полюбитъ хозяина, по кормитъ и хоитъ его лошадей, о всемъ печется, и у самого хозяина бороду плещетъ въ косы. Чей же домъ не полюбитъ, шамъ разоряетъ хозяина въ корень, переводя у него скотъ, безпокоя его по ночамъ, и ломая все въ домѣ.

РУСААКИ, полудухи женскаго рода. Живущъ они обыкновенно въ рѣчкахъ, изъ которыхъ часно выходятъ въ красную погоду на берегъ, гдѣ сидя, чешущъ свои ясные волосы гребнемъ; но лишь запримѣнивъ кого либо идущаго, тотчасъ бросаюся на дно ручьевъ.

Б о г а ш ы р и.

Они почишаемы были не какъ боги, но какъ люди, одаренные предъ прочими вышшими дарами неба, или какъ у Грековъ ихъ полубоги. Таковые были:

В О Л О Т Ы.

Исполнены непомѣрной величины и силы. Изъ сказокъ древнихъ видно,

что сверхъ силы, имѣли они еще даръ неуязвимости. Впрочемъ замѣнить должно, что древніе Славяне подѣ именемъ Вологовъ разумѣли Римлянъ. Слава силы и могущества Римскаго народа, представила ихъ воображенію оныхъ великанами; а поному и надѣлали себѣ изъ Римлянъ особенныхъ великорослыхъ непобѣдимыхъ существъ.

ПОЛКАНЪ.

Такъ же богатырь, но только чуднаго тѣлосложенія. Онъ до половины былъ мужъ; а остъ пояса до низа конь. Бѣгалъ крайне быспро; обложенъ былъ въ латы; сражался стрѣлами. Кажется что многіе были Полканы.

СЛАВЯНЪ.

Князь Славянъ, братъ Ваидала, почитался полубогомъ. Ему приписыва-

ли силу, мужество и храбрость чрезвычайныя. Онъ по прибытїи съ своимъ родомъ и Славянами поселился на рѣкѣ Волховѣ городъ Славянскъ; по разоренїи коего Варягами, чрезъ нѣсколько времени снова былъ сооруженъ, но уже подъ именемъ Дѣшинца *); по разрушенїи же Дѣшинца, воздвигнутъ былъ на его мѣсто Новъ-городъ.

ВОЛХВЪ съ братьями.

Волхвъ съ братьями Волховцемъ и Рудопокомъ были дѣши Славена, всѣ

*) Такъ названнаго оупъ дѣшины или мальчика, заложивши Славяне городъ, пишемъ нѣкошорый Новгородскій Лѣтописецъ, не могли согласиться между собою, какое дать ему имя; почему и положено было на вѣчѣ изъвать городъ по имени того, кто первый идучи по опредѣленной дорогѣ попадетъ я. И шакъ, принесши жертву и обѣщавъ богамъ, посланные они правились въ путь, и возвращаясь на другой день къ собранному градоначальству, представили ему мальчика (древ. дѣшинецъ); котораго они прежде всего встрѣтили; почему и дали городу названїе Дѣшинца.

прое богатыри. Но Волхвъ былъ великой волшебникъ. Онъ не только разбѣждалъ по рѣкѣ Волхову, такъ по имени его названной, а до того именовавшейся рѣкою Мушиною, и по Русскому морю, но даже плавалъ для добычи и въ Варяжское морѣ. Когда же онъ былъ въ Славянскѣ, то при приближеніи непріятелей, обращиваясь въ великаго змѣя, ложился опрѣ берега до берега поперегъ рѣки, и тогда не только ни кто не могъ пробраться по оной, но даже и спасшійся не было возможности.

Озера: ИЛЬМЕРЬ и СТУДЕНЕЦЪ —
РѢКИ: БУГЬ и ДОНЬ

были обожаемы на ровнѣ съ прочими божествами. Имъ посвящены были огромнѣйше по берегамъ черные лѣса, куда подъ смершное казню не только не ошваживался заходить стрѣлокъ или пицеловъ для своихъ промысловъ, а рыбакъ ошнюдь не дерзалъ ловить рыбу, но и самую воду не иначе дозволялось изъ нихъ черпать береговымъ жителямъ, какъ чшобъ то были чшшо убранныя въ цвѣтныя одежды молодыя дѣвы, кошоры брали воду съ благоговѣнїемъ и глубокимъ молчанїемъ. Стн красныя молодицы вѣрили чшо священныя лѣса преисполнены не скромными Духами, кошоры всякое громкое слово, какъ знакъ неуваженїя къ божеству, переносили бласшшше-

лямъ языческой религїи, а крошкіе вздохи любви нашептывали въ уши любовниковъ ихъ. Въ жершву имъ приносился предпочтительнѣе шумный волъ по цвѣтну водъ, когда онъ ужаснымъ ревомъ волнъ своихъ и завываніемъ свирѣпныхъ вѣтровъ наводили ужасъ на людей, предрѣкавшихъ себѣ изъ того пагубу. Храмовъ въ честь обоженныхъ рѣкъ и озеръ древнїе Славяне не строили; но священнодѣйствїя ошправлялись обыкновенно на берегу. Великолѣпнѣйшія шоржеспиванїя производились весною, когда воды, разрушивъ зимнїя свои оковы, являлись изумаснымъ обожателямъ своимъ въ полномъ величїи. Народъ падалъ ницъ. Моленїя начинались. Погружали людей въ воду съ великими обрядами; энтузіасты же религїи въ жару усердія своего добровольно шопились въ священной рѣкъ или озеръ изъ

благочинія. Опытки ублаженіе до насъ изъ старинныхъ рукописей и просонародныхъ пѣсенъ въ честь водныхъ божествъ, подтверждающъ сказанное мною здѣсь, а Ломоносовъ думаетъ, что Славяне и самое названіе Бога произвели отъ священной рѣки Буга.

К О Н Е Ц Ъ.

Храмъ Свѣтовидѣ.

Мертца еще покоилась въ обѣщаннѣхъ Царя водѣ; Часы сперегли входѣ и выходѣ изъ Солнцева дому, и присночюный Свѣтовидѣ на златомѣ ложѣ покоился въ обѣщаннѣхъ Триглы, какѣ Рурикѣ съ Олегомѣ восходящѣ на освященной холмѣ, гдѣ возносился храмъ Свѣтовидѣ. Храмъ величественный и достойный бога, славимаго въ немѣ! Первосвященникѣ Свѣтовидѣ, Боговѣдѣ, соупшсвуемый жрецами, грядетѣ ему во срѣщеніе. Рурикѣ присиупаситѣ ко вратамѣ храма; но удивляется, видя ихѣ зашворенными. „Они не могушѣ бышѣ опверсны, говоритѣ Боговѣдѣ, доколѣ первые лучи солнца не ударятѣ въ лице бога; и тогда гласѣ трубный возвѣститѣ присутствіе его. Когда же послѣдній лучѣ соидетѣ съ лица Свѣ-

повидова, гласъ заушннато рога и глухого бубна възвѣщающѣ о сокрытіи ошѣ насѣ благошворнаго свѣшила. День мрачный въ нашихъ законахъ равенъ ноци.“ — Ночь была свѣшлая и подобная зимнему дню, когда солнце слабыми лучами сквозь иней сіяешѣ.

Князь, въ ожиданіи первыхъ на обзоръ *) лучей, пошелъ вокругъ храма, желая осмошрѣшь его. Съ долу онѣ казался ему не великѣ; но Рурикѣ удивился, нашедши его огромнымѣ. Онѣ бѣлъ окружноспію въ мѣсто шаговѣ. Двенадцать огромныхъ яшмовыхъ столповѣ Коринтскаго чина подерживали навѣсѣ его кровли; оглавія ихѣ были изѣ позлащенной мѣди. Триста шестьдесятѣ оконѣ и двенадцать вратѣ его заключались мѣдными запорами. При каждыхъ дверяхѣ

*) Иаѣ смысла видно, что чрезѣ сіе слово древноѣ разумѣли горизонтѣ.

сплояли два жреца съ трубами. Намѣднихъ вражахъ изображались двенадцать знаменитыхъ добраго бога подвиговъ: какъ для пользы нагихъ людей онъ произвелъ овна, консорой въ то же мгновеніе успремился къ нимъ, да предложитъ имъ свою волну; какъ, усмиривъ вола неукропимаго и давъ имъ во служеніе, изобрѣлъ для нихъ плугъ и всѣ земледѣльческія орудія; какъ сражаешся и побѣждаешъ Чернаго бога, похитившаго чадъ его, близнецовъ Дажбога и Зимцерлу. Тамо видно Морское Чудо, чадъ Чернобога, какъ оно, обратившись въ великаго рака, хочеть похититиъ Солнце; но опасное жгущими его лучами, упадаешъ — и сильнымъ ударомъ своего хребта *разбрызгиваетъ* какъ каплю шекучій Волховъ, и здѣлавъ въ землѣ отверстіе, производитъ море Русское. Здѣсь ужасный левъ, съ мѣднимъ

хвостомъ и алмазными зубамъ, похищаетъ у Велеса скопъ, и сего бога приводитъ въ шрепешъ; но Свѣшовидъ разитъ его единымъ ударомъ златаго *самосѣка*, беретъ хвостъ его (изъ коего родились полозы) и зубы, и помѣщаетъ на небѣ, гдѣ донинѣ видимъ ихъ и называемъ львомъ. Тутъ изображена любовь его съ прекрасною Триглавою, и шеззаніе Чернобога, влюбленнаго въ нее. Свѣшовидъ, играя на гусляхъ, поетъ ей нѣжныя спихи; она его вѣнчаетъ васильковымъ вѣнкомъ, а вокругъ ихъ пляшутъ Зимцерла, Лада, Сѣва и Мерцана. Румянощекая Дидидя, съ распущенными златишными волосами, въ алой легкой ризѣ, подноситъ имъ въ алмазной чашѣ златый небесный медъ, пише боговъ. Леся, сидя подлѣ гуслей, слушаетъ и лукаво улыбается. Дидо, взвившись на воздухъ, пускаетъ тяжелыя стрѣ-

лы въ Чернобога. Бѣль-богъ, носяся надъ ними на облакъ, пріятно усмѣхается. Тамъ Перунъ держипъ великіе вѣсы, ниспущенные имъ съ неба для рѣшенія жестокой распри между Бѣлбогомъ и чадами его, и между Чернобогомъ и чадами его, когда начиналась между ими жестокая брань, долженствовала разрушить міръ; когда Ній въ неистовствѣ попрясалъ землю, извергая изъ нее пламя, — Чудо Морское колебало брегами, и Яга, дщерь Чернобога, вооруженная желѣзною палицею, разбѣжала на крылатой своей колесницѣ, и сбивала съ мѣстъ горы. Но великій Перунъ желалъ примирить ихъ и послаалъ едину изъ служащихъ ему Молній, да возвѣстивъ волю его. Тогда родъ Бѣл-бога возсѣлъ въ единую чашу вѣсовъ, а родъ Чернобога въ другую. Перунъ поднималъ вѣсы, и чаша съ Чернобогомъ возне-

слась выше темныхъ облаковъ; но чаша съ чадами Бѣлабога оспалась на земли. — Въ другомъ мѣстѣ видно было, какъ Сѣшовидъ поразилъ великаго Скорпиона, когда сей похитилъ его дщерь Зимцерлу, оплакиваемую Дажбогомъ. Ній, зря его, отъ страха сокрылся, и Сѣшовидъ возвратилъ Дажбогу его сестру и супругу. Но злобный Ній, опмѣдая ему за сіе, низпустилъ на землю ночь, люпые мразы, снѣги, мяшелицы. . . Сѣшовидъ, поразивъ всѣхъ ихъ золотыми стрѣлами, прогналъ назадъ въ область Нія. Ній, нылая еще противъ него гнѣвомъ, послалъ домового дужа, да умертвилъ любимыхъ его коней; но Сѣшовидъ создалъ сребророгатаго и волносребристаго смѣлаго козла, и пустилъ для исшребленія сего дужа. — На десятихъ дверяхъ изображенъ богъ свѣта люющій съ горъ, изъ златныхъ водоно-

совѣ, обильную воду, отъ которой прѣсмляютъ начало рѣки: Волга, Днѣпръ, Двина, Донъ и славное озеро Ильмень. Онѣ населяетъ ихъ рыбами, пуская каждого рода по двойцѣ. Завидуя сему, Морской Царь послалъ киша пожрать ихъ; но Спрѣба (позвалъ его тогда же избрѣшеннаго оспрогою, и вынувъ, положилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ храмъ Свѣповидовъ; холмъ составился изъ кипова праха. — Таковы были изображенія на дверяхъ. Храмъ сооруженъ былъ изъ свѣтлосѣраго дикаго камня. Свѣсы отъ стѣны до столповъ измѣрялись двумя большими шагами, имѣя шесть ступеней восходу. Кресты, полушаромъ, состояла изъ вызолоченной мѣди. Посреди ея стоялъ мѣдный позолоченный иснукавъ Свѣповида; по краямъ, на чешыре стороны, поставлены были чешыре иснукана,

изсбченныя изъ бблага мрамора. На
 воспокъ испуканъ Мерцаны, богини,
 властвующей надъ началомъ дня и
 предшесивующей всегда Солнцу, до-
 чери Дажбога и Зимцерлы, богини ве-
 ны, супруги Царя Морскаго; ея долж-
 ность была опверзать Свбтовиду вра-
 ша небснаго дому его, когда онъ по-
 казывался въ мрѣ. Свбтовидъ для
 отличія даровалъ ей вѣнецъ изъ еди-
 ныя звбзды; и риза ея злашобагряна.
 Радоснѣ всегда блиспала на румя-
 ныхъ ея ланипахъ, и она въ пирахъ
 подносила богамъ небсныи медъ. Мер-
 цана, равно какъ и Свбтовидъ, прис-
 ноюна. На югъ пославленъ былъ
 испуканъ Купалы, сына Мерцаны и
 Свбвы. Онъ имѣлъ видъ молодаго чело-
 вѣка, въ коронкѣ и легкой одеждѣ.
 Огнь плодонворенія пылалъ въ его
 очахъ; чему шолько касался, все рож-
 дадо: не шолько звѣри, скопы, рыбы

и гады, но даже дерева и травы. Онъ имѣлъ обипалище на югѣ. Жертвовали ему возженіемъ шолько прутьевъ, съ пѣснями и плясками: чѣмъ изображались огнь плодощворный и веселость. Въ ногахъ у него кроликъ; въ рукѣ пламенѣющій огонь; на головѣ вѣнокъ изъ цвѣтовъ, именуемыхъ по его имени *жугальницами*. Догода, брашъ его, еспь изъ всѣхъ боговъ любезнѣйшій, кротчайшій и прекраснѣйшій. У него развѣваются по плечамъ волосы: вѣнокъ изъ шиповъ; за плечами голубья крылья, и риза на немъ шонкая голубая. Улыбка всегда на румяномъ его лицѣ. Онъ споль всѣми любимъ, что смѣло цѣлуешъ самую Ладу; въ рукахъ у него опахало. Свирипаго Позвида испукашъ споялъ на сѣверѣ. Лице его въ морщинахъ и сердипо. Голова окушана доскушомъ кожи бѣлаго медвѣдя; борода замерзлая;

одежда изъ олсней кожи; ноги обушны
 въ кожу гагачью. Въ рукахъ держалъ
 онъ мѣхъ, въ готовности развязать
 его для изліянія морозовъ, бурь, снѣ-
 говъ, градовъ, дождей и непогодъ.
 Онъ считался богомъ всѣхъ вѣтровъ.
 Повѣствуютъ, что жилище его есть
 на краю сѣверномъ, на горахъ Сканди-
 навскихъ, гдѣ онъ имѣетъ свой пре-
 столь, и гдѣ у него множество дѣтей,
 подобно ему жестокихъ. Сей богъ,
 будучи сынъ Сильнобога, увеселялся
 воздымая бури, пополаяя корабли,
 ломая деревья, посылая всюду мразы
 и непогоды. Онъ пребуешь почасту
 себѣ въ жертву людей. — Таковы бы-
 ли чешыре испукана, стоявшіе на
 кровлѣ храма. На холмѣ же разспа-
 лено было соразмѣрнымъ образомъ до
 шрехъ сонъ нятидесятии преуголь-
 ныхъ жеривениковъ.

Между тѣмъ какъ Рурикъ раз-

смагнривалъ и попрошалъ Боговѣда о значеніи видѣннаго иѣѣ, раздался гласъ шрубъ отъ двенадцати вратъ, и врата отверзлися. . .

Великій первосвященникъ Боговѣдъ вснуилъ во врата западныя, одному ему предназначенныя для входа. — Рурикъ съ Олегомъ входятъ въ храмъ чрезъ врата восточныя, и божеспвенный страхъ объсмелъ ихъ душу: они зрятъ лице Свѣповида сіяющее яко иѣѣ въ горниѣ. Великій первосвященникъ — по обыкновенію одѣтый въ четыре щонкіе жипона, одинъ другаго длиннѣе: въ багрянный, зеленый, желтый и бѣлый; въ опоясаніи, на коемъ искусно вышиты двенадцать подвиговъ Свѣповида; въ златѣмъ вѣнцѣ, украшенномъ семью драгоцѣнными камнями — держалъ въ рукѣ златую чашу, исполненную числѣннаго вицнаго духа. Двенадцать окружаю-

щихъ его жрецовъ держали великую серебряную лажань, у коей были при разныхъ ноги: одна на подобіе орла, другая вола, и шрешія киша. Прочіе жрецы сосставляли семь покоющихъ ликовъ и двенадцать ликовъ въ трубы и роги трубящихъ и бьющихъ въ бубны, и чешыре лика на струнахъ и гусляхъ играющіе. Тогда великій первосвященникъ, подшедь къ престолу, сгналъ на колѣна, и вознесши златую чашу, чиналъ молитвы; послѣ прикоснулся чашею къ рогу, находящемуся въ рукѣ Свѣшова: духъ винный воспылаъ, и попряслася своды отъ гласа трубъ и роговъ, отъ звука бубновъ, отъ звона струнъ, гуслей и орудій, и отъ гласовъ пѣвцовъ, восклицавшихъ: слава! Между шѣмъ Боговъдъ поднесъ пылающую чашу Князю, кошорый, принявъ ее, излилъ въ серебряную лажань — и взвилося предъ бо-

гомъ лазуревое пламя жерпвы благо-
 угодной. И тогда семь ликовъ, ходя
 кругомъ единъ по одному, предводи-
 мыс первымъ пѣснопворцамъ, шако
 восѣлаи:

Першй лихъ и оборотъ.

Ясень мѣсяцъ во полночи.
 Звѣзды ярко блестящъ ночью;
 Мѣсяцъ сребришь воды шемия,
 Звѣзды алаяшь небо синее;
 Только грѣтъ одно солнце ясное.

Второй лихъ и оборотъ.

Грѣтъ оно и пидаетъ насъ;
 Позвиздъ его устращаетъ;
 Взглянетъ — Зимерла бѣжитъ отъ
 глазъ, —

И Зимцера къ намъ спускается.
 Какъ благотѣльно для насъ оно!

Трешй лихъ и оборотъ.

При воспоикъ его видѣнь радосно:
 Когда на обзоръ появляется.

Дверь влзтая тогда отверзается
 Велезньныхъ чертоговъ его,
 Онъ изъ перема идетъ высокаго,
 Изъ высокаго, изъ небснаго,
 Какъ могучій вилязь съ побъдою.
 Свѣсповидъ! мы тебѣ поклаѣмся!

Четвертый ликъ и оборотъ.

Какъ здѣсь вся шваръ весела,
 Встрѣшилъ отца и царя!
 Главмъ подьемають древа;
 Освѣжились двѣшкы и права;
 Пшички порхають, поилтъ,
 Славу и честь воздають,
 Имя швое вознося.

Пятый ликъ и оборотъ.

Опъ радости шренецуютъ
 Поля шеклистныхъ водъ;
 Льды свѣшлы искры мещуптъ,
 Узря его приходъ.
 Ему льсѣ поклаѣнется,
 Сыръ боръ къ землѣ преклоѣнется;

Сильна снопа гуль глухой издаде
 (Онъ землю и море потрясъ!)
 И се послѣдня свернула пола! . . .
 Тихий, любезный Свѣтовидъ! возвра-
 шися,
 Насъ безпомощныхъ и сирыхъ упѣши! . . .
 Мило, какъ онъ ослабляется намъ,
 Шествуя въ бѣдствахъ упѣшишь лю-
 дей.

Седьмой ликъ поборотъ.

Почитаемы небожители
 За ихъ доблести и могущество;
 Но всѣхъ доблестей превосходнѣе
 Добродѣтель съ милосшью, съ крепо-
 стью;
 Въ милосердїи всемогущество,
 Всемогущество Свѣтовидова.
 Царю звѣздъ, себѣ покланяемся,
 Предъ побою мы повергаемся! —

Хоръ.

Только грѣшетъ одно солнце ясное.
 Какъ благодѣтельно къ намъ оно! —

Свѣтовидъ! мы тебѣ поклоняемся,
 Имя твое вознося.
 Колю великъ, великъ Свѣшовидъ,
 Шествуя въ бѣдствахъ утѣшишь лю-
 дей!
 Царю звездъ, тебѣ поклоняемся,
 Предъ побою мы повергаемся!

Носемъ двенадцать ликовъ, игра-
 ющихъ на трубахъ, рогахъ и буб-
 нахъ, окружили внутренность храма,
 воспѣвая въ честь Свѣшвида торжес-
 твенныя пѣсни.

Скончалось громкое прубоглашеніе,
 и вошли четыре младія дѣвы; у каж-
 дой въ рукахъ по кощницѣ. Одна бы-
 ла въ багряномъ плашѣ, имѣя чрезъ
 плечо голубое препоясаніе; голова
 убрана споласниженными шипками.
 Другая въ зеленомъ, имѣя перевязь
 красную, на головѣ вѣнокъ изъ мир-
 шовъ; шрапѣя въ знамоудѣшномъ,

имѣя вѣнокъ изъ класовъ и багровую перевязь; четвертая въ бѣломъ платьѣ, въ серебряномъ увясѣ (дѣдимѣ), перевязь золошяя. Первая, ставъ на колѣна, и вынувъ изъ кошницы цвѣтны, разсыпала ихъ предъ Свѣшовидомъ; другая предложила разные плоды; третія класы и виноградъ; четвертая запахъ вѣнецъ. Вскорѣ струнное играніе и пѣніе началось, и каждый ликъ сперва игралъ особенно, и каждая дѣва особенно предъ Свѣшовидомъ плясала; потомъ всѣ четьре лика соединясь играли пѣсни, и четьре дѣвы плясали.

Лице Свѣшоваида спановилося свѣшлбе; по окончаніи пляски иснукаиъ поколебася. Первосвященникъ, двенадцать жрецовъ, ликовствующіе, пѣвцы, игратели, трубъ-гласители, предстоящіе пророки и шворцы пали на землю; и тогда рекъ Свѣшовидъ:

Имя твое есть отъ запада и до востока,
 И отъ предѣль твоихъ къ сѣверу твоему
 есть предѣль;
 Слава твоя да напоминишь вселенную;
 Яко песокъ на берегу, тако племя
 твое;
 Тысящью лѣтъ извощу я твое вѣкъ;
 И да поклонится всякій шею чело-
 вѣкъ!

Пѣношворцы собрали глаголы сии, написали на золотой дскѣ и вручили Рурику; онъ, прочитавъ ихъ, отдалъ для исполкованія пророкамъ.

Тогда лице Свѣтовиды упростило сянѣе, и лики возгласили отшествовѣе его на трубахъ, рогехъ и бубнахъ. Щедрый и набожный Рурикъ велѣлъ на всѣхъ жерщвенникахъ принести Свѣтовиду по бѣлому волу, и жерщвенныя мяса раздѣлить войску и народу. — Олегъ шествовалъ исполнишь

сіе; великій же Князь съ Боговѣдомъ
пошлъ въ черномъ свой, для собесѣ-
дованія съ первосвященникомъ о всемъ
видѣнномъ, и для свѣдѣнія ошъ него
сущности вѣры Славянъ.

К О Н Е Ц Ъ .
